

18+

Игорь Ривер

Ученица Лесника Полесские сказки

Игорь Ривер

Ученица Лесника.

Полесские сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66555910

SelfPub; 2021

Аннотация

Мир оказался гораздо более сложным, чем казалось московской девушке, случайно попавшей в ученицы к колдуну по прозвищу Лесник. В этом мире нечисть – нечто обыденное и старые сказки оказываются вплетены в реальность. Что поделать? Деваться некуда и приходится как-то с этим жить, тем более, что у такого положения вещей есть и свои плюсы...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	12
Глава вторая	30
Глава третья	40
Глава четвертая	46
Глава пятая	56
Глава шестая	64
Глава седьмая	72
Глава восьмая	80
Глава девятая	93
Глава десятая	101
Глава десятая	108
Эпилог	115

Игорь Ривер

Ученица Лесника.

Полесские сказки

Пролог

На Москву медленно опускалась ночь. Давно уже заглись фонари, кое-как осветив месиво грязного снега на тротуаре, сугробы по сторонам, свисающие с крыш сосульки и превратив кусты на обочине в призраков из недавно прочитанного романа английского автора по фамилии Толкин. В дополнение к картине издали раздался долгий собачий вой. Ирина поежилась. Вот надо же: почти центр города, столица, прости Господи, тысяча девятьсот семьдесят седьмой год на дворе, а как в трущобах каких-нибудь. Чудится всякая дрянь.

Вдалеке подмигнул красным светофор. Там была ярко освещенная Ленинградка, но туда ей как раз было не надо, а надо ей было вон в тот переулок, совсем уж темный. Ближайший фонарь горел метрах в тридцати и в его отсвете она с трудом различила на ржавой табличке номер дома: одиннадцатый. Ей нужен тринадцатый, то есть вон та, следующая.

щая пятиэтажка. Ну да, так ей дорогу и объяснили: будет пустырь, потом перекресток, а рядом с ним – теплотрасса и хрущевка. Вон она, хрущевка, а вон теплотрасса в алюминиевых листах поверх теплоизоляции.

Аккуратно ставя ноги в венгерских кожаных сапожках, купленных с рук по случаю, в давно нечищенный снег, она свернула к первому же подъезду. Вот и номера квартир на табличке. Сорок шестая должна быть на первом этаже. Как будто в ответ в ближайшем к ней окне вспыхнул электрический свет. Открылась форточка, изнутри послышался кашель. Кто-то был дома. Ну раз так, то... не зря же шла. На мгновение Ирине показалось, что она затеяла ненужное дело. Глупости все, ересь, сказки для детей дошкольного возраста. При чем для тех, кто еще не научился верить в Деда Мороза. Потом на перекрестке показались две человеческие тени, помедлили, свернули в ее сторону и она, решившись, потянула на себя фанерную дверь.

В подъезде горел свет. Несмотря на призывы партии и правительства быть экономными, советские люди не спешили его гасить. И то сказать: а вдруг покурить захочется в подъезд выйти? Не тянуть же руку к выключателю.

Нужная дверь была слева от лестницы. Номера квартиры на ней не было, но на соседней он как раз был, не ошибешься. Ирина нажала на кнопку звонка. Тот не работал. Она подняла руку, чтобы постучать, но сделать этого не успела. Дверь вдруг отошла от косяка и тихо открылась, примерно на чет-

верть.

– Входи, раз пришла! – послышалось изнутри.

Голос звучал довольно приятно. Не молодой, но и не старый. Прокуреный слегка, с хрипотцой, но сильный и уверенный. Похоже было, что человек привык распоряжаться и приказывать. Она ожидала чего-то другого... Но раз уж ее приглашают... Девушка перешагнула порог, оказавшись в маленькой прихожей. Слева горел свет в маленькой кухне.

– Проходи. Да не разувайся, не надо...

– Я натопчу. Там снег.

– Не волнуйся. Снег – не грязь. Хотя у вас в городе что грязь, что песок, что трава, что люди – и не разобрать. Тем более тебе волноваться не о чем.

В кухне горела тусклая лампочка без абажура. Спиной к ней у плиты стоял невысокий, худощавый человек. Джинсы, рубашка-толстовка, очень коротко стриженный, изрядно седой – это все, что она могла увидеть со спины.

Кухня была почти пустой. Раковина железная, плита, выглядывшая ровесницей этого дома, стол, три табуретки и стул с высокой спинкой. Небольшая полка на стене, на которой светил экраном маленький телевизор. На столе – пепельница и странная зажигалка. Присмотревшись, Ирина разглядела на ней орла, держащего в лапах свастику. Трофеей с войны? Со спины человек не выглядел старым.

– Слушаю тебя, – произнес хриплый голос.

Он так и не обернулся. Девушка вздохнула и сказала:

– У меня умирает отец.

– Язва...

– Рак.

– Это врачи умные говорят: “рак”, а для меня рак – это зверь мелкий, что в речке живет. Это язва. Неделя ему осталась, не больше.

– Откуда вы?..

– Да знаю уж... Ты только что от него. Вся больницей и болезнью пропахла. Тоже мне: секрет.

– Врач сказал, что месяц-два.

– Наврал. Он потому и врач, что ему по должности врать положено. Ты садись, в ногах правды нет.

Чем-то железным он там позвякивал над плитой. Что-то делал. Пахло почему-то паленым сеном. Снова спросил ее:

– Ну так и что? Все когда-то умирают.

– Я слышала... Мне сказали, вы помочь можете.

– Чем помочь? От смерти не спасешься. Ни я, ни ты не сумеем, ни даже он! – Не глядя, он ткнул пальцем в беззвучно работавший телевизор. На экране шевелил губами трижды герой Советского Союза и генеральный секретарь. – Ее только отсрочить можно. Скажешь, не так?

Она промолчала, глядя ему в спину и думая, что на самом деле зря сюда пришла. Схватилась, называется, за соломинку. Подумалось почему-то о двери, которая сама перед ней открылась и сама закрылась за ее спиной. Человек, будто чувствуя ее взгляд, пожал плечами и повернулся. Самое

обычное, славянское лицо. Что называется: без особых примет. Усы и борода коротко подстрижены. Во рту курительная трубка. Действительно на моряка похож и не выглядит стариком. Лет тридцать, на крайний случай сорок, не больше. В руках чайник и большая фарфоровая кружка.

– ...и помочь кому? Если тебе, так тебе помощь моя ни к чему. Матери твоей давно уже все равно. Брату – тоже. А отцу... Может и лучше ему было бы дома помереть, в постели. Ты сейчас за него решаешь, но надо ли так делать?

– Я думала...

– Что жить – оно завсегда лучше, чем умирать? – он покачал головой. – Не всегда. Это смотря, как жить и смотря, как умирать. И где. И с кем. Тот, кто тебе про меня рассказал, тоже думал, что так будет лучше. Но будет ли?

Он снял с полки два стакана и через чайное ситечко налил в них из кружки какой-то настой, до половины. Разбавил кипятком и придвинул один стакан ей. Второй взял сам, понюхал и снова покачал головой.

– Не то... Ну ладно.

Пахло из стакана приятно. Ирина осторожно попробовала. Настой чуть горчил, но вкус был неплохой. Чувствовала мята и еще что-то, непонятное. Она спросила:

– Так вы можете вылечить отца? Я понимаю, что это вера в чудо, но мне и ему сейчас только это осталось.

– Я не святой, чудес не творю. Отодвинуть срок твоему отцу не трудно. Правда потом он об этом пожалеет, но сде-

лать это можно, хоть и ненадолго. И что мне за это будет?

– Все, что хотите.

– Так-таки все, что захочу?

Он первый раз посмотрел ей прямо в глаза. Странно. Раньше они ей показались серыми, но теперь в них явственно отсвечивала зелень.

– Конечно! У меня есть деньги.

– На что мне твои деньги?

Человек присел на стул, вынул из кармана рубашки небольшой кожаный мешочек, высыпал оттуда на ладонь немного какой-то травы, аккуратно положил ее в трубку и прикурил от той самой старой зажигалки. Мешочек же плотно завязал тесемкой и положил перед ней на стол.

– Держи. Пусть сделает самокрутку и выкурит.

– Ему врачи запрещают курить.

– Запрещают. Однако он курит. Скажешь, нет?

Ирина кивнула. Отец был заядлым курильщиком.

– Ну тогда сам и скрутит из газеты. Тут хватит раз на пять. Этого будет достаточно. Смотри-ка! А ведь они тебя ждут.

Он показал в окно. Занавесок на нем не имелось и было видно: те двое, что свернули в ее сторону тогда на улице, по-прежнему торчали неподалеку от подъезда. Ирина не нашла ничего лучше, чем спросить:

– Кто они?

– Мелочь. Сявки подзаборные. Пойду, шугану их.

Положил трубку рядом с пепельницей, повернулся и вы-

шел в прихожую. Ирина услышала, как открылась и закрылась дверь квартиры. Люди за окном вдруг шарахнулись прочь и побежали в сторону фонаря. Один упал, но второй даже не остановился, чтобы помочь. Она привстала, посмотрела в окно и увидела на снегу, в падающем из подъезда свете, черную тень огромной собаки. Вот значит кого они испугались... Потом дверь закрылась и тень исчезла.

Теперь ее слегка пробрало холодком. Выходит, эта псина уже была там, лежала где-то. Может быть на площадке между этажами, потому что иначе не увидеть ее было бы невозможно. Судя по размерам тени, пес был высотой в холке метра полтора, так что и слава Богу, что не увидела. Тем временем хозяин вернулся. Ирина поинтересовалась:

– Там собака. Она ваша?

– Он сам по себе. Свой собственный.

– Как же мне идти?

– Ногами. Не бойся, никто не тронет тебя. Иди спокойно.

Но сначала послушай, что еще скажу.

Она остановилась и обернулась.

– Когда срок твоего отца выйдет, найдешь меня. Поняла?

– Здесь же?

– Да. Теперь иди.

– А деньги?

– Не нужно денег. Иди.

...

Отец Ирины, полковник воздушно-десантных войск, быстро пошел на поправку. Врачи разводили руками, а он только смеялся и говорил, что советского десантника так просто не взять. Он погиб через пять лет, когда вертолет, на котором он находился, был сбит в Афганистане. Полковник сильно обгорел, но умер не от ожогов, а от жажды, пытаясь выползти к Пянджу. Проходившая мимо группа афганцев нашла тело, забрала оружие, документы и похоронила то немногое, что от него оставили шакалы, на месте, в каменистой сухой земле. Документы, которые им были абсолютно не нужны, они продали шурави на ближайшей заставе. Сгоревший вертолет, застрявший в ущелье, так никто никогда и не нашел.

Глава первая

Ирина в который раз перечитывала письмо. Сложенный вчетверо листочек серой писчей бумаги, вынутый из простого конверта без марки, с армейским штемпелем. Сослуживец отца сообщал о том, что тот пропал без вести, а его документы найдены на неопознанном трупе. Писал, что надежда еще есть, что может быть полковник в плену и просил не отчаиваться. Утешать у него получалось плохо. Да чего уж там? Правду тот знахарь сказал: костлявую можно отсрочить ненадолго, но сколько не бегай, совсем от нее не убежишь. Не получится. К тому шло.

По правде сказать, отец отдалился от нее тогда, после выписки из больницы. Стал частенько выпивать, хотя на службе, в штабе округа, по-прежнему был на хорошем счету. Пьющий офицер? Так кто сейчас не пьет? “Веселие на руси есть пити”, а офицеру Советской Армии вроде даже положено. Потом у него начались командировки, а она чуть было не вышла замуж, но потом передумала... Отец ее делами особо не интересовался. В общем, чужой человек погиб и все тут.

Кстати, о знахаре! Он ведь просил зайти, когда срок выйдет. Срок вышел, чего откладывать? Делать все равно нечего. Диплом на руках, с институтом она попрощалась два дня назад. Ирина сложила листок, сунула его обратно в конверт

и бросила в сумочку. Проверила, на месте ли ключи. Газ? Выключен. Свет? Нигде не горит. Кот? У матери, на даче. Окна закрыты. Можно идти.

...

Летним днем улица выглядела совсем не страшно. “Хрущевка” утопала в зелени, окна первого этажа скрывала раскидистая черемуха. С дорожки к подъезду она увидела, что форточка в кухне той квартиры на первом этаже приоткрыта. Значит и дома кто-то есть, скорее всего. Она подошла к двери в квартиру и та, как и в прошлый раз, открылась перед нею сама.

– Можно? – крикнула она внутрь.

– Входи.

На кухне ничего не изменилось за пять лет. Та же самая пепельница, зажигалка рядом, даже Брежнев по телевизору, хотя он выглядел дряхлой развалиной. Хозяин перехватил ее взгляд, кивнул и сказал:

– Старый совсем уже. И твой отец, значит, все...

– Пришло письмо.

Она открыла сумочку.

– Не надо. Что мне с того письма? Ну и выбрал же он место! Мне теперь долго в горы нельзя будет.

– Почему?

– Потому. Каждый в ответе за то, что сделал. Я твоего от-

да вылечил, а он в те края войну принес. Не первую и не последнюю, конечно и не он один, но все-же войну. Горы это запомнят и лучше мне туда теперь не соваться.

– Вы просили зайти, когда...

– Просил? – он хмыкнул. – Я не просил. Я сказал, чтобы пришла. Есть разница.

– Что теперь? Деньги?

– Говорил ведь уже, что денег мне не надо. На что они? Этими бумажками только стены в сортирах обклеивать.

– Тогда что вам нужно?

– Только тебя.

– Меня? – Ирина удивленно посмотрела на него, сжав в руках сумочку. – Вы хотите?... Ну знаете!.. Я пошла!

Она повернулась к двери. Сзади как молотком по голове упало короткое слово:

– Стой!

Руки и ноги вдруг стали чужими. Ее до костей пробрал ледяной холод, как будто порыв зимнего ветра ворвался в “хрущевку”. “Да что же это такое!?” – подумала она. – “Что со мной?” Голос за спиной снова лязгнул:

– Повернись!

Тело повиновалось само. Было очень страшно, но ничего поделать она не могла, даже закричать. Зеленые глаза встретили ее взгляд.

– Пять лет назад ты сама сказала: “Все, что хочу!” Я переспросил, так ли это. Ты свои слова подтвердила. Теперь

хоть ты что говори – поздно. Ни сделанного, ни сказанного не вернуть. Не веришь мне? Вижу, что не веришь... Сними-ка с себя одежду!

Она повиновалась, хотя внутри все переворачивалось от ужаса и руки еле двигались. Одежды, впрочем, было не слишком много. Стянула через голову платье, расстегнула лифчик, сняла трусики. Все. Выпрямилась, снова встретив холодный взгляд зеленых глаз.

– Ну что, – спросил он. – Поняла теперь, что себя отдала? Вижу, что не поняла...

Он поднялся, подошел к ней вплотную, осмотрел всю. Было очень стыдно. “Сейчас положит руку мне на...” – подумала она, не в силах пошевелиться, но он ничего такого не сделал. Вместо этого он спокойно сказал:

– Оденься.

Она быстро оделась. Озноб понемногу отступал, затаиваясь внутри.

– Страшно?

– Да.

– Бояться надо было раньше. У тебя остались долги здесь, в городе?

– Нет.

– Никаких? Даже три рубля никому не должна?

– Нет, никому.

– Это хорошо.

Снаружи послышался шум машины, притормозившей на-

против подъезда. Ирина посмотрела в окно. Зеленая “Нива”. Водитель не вышел, оставшись за рулем.

– Пойдем, рыжая! – он вдруг улыбнулся. – Я тогда подумал, что ты красишься. Очень уж яркая. Теперь вижу, что нет.

Она покраснела, выходя из подъезда за ним следом.

...

В машине, на заднем сиденьи, Ирина почти мгновенно заснула. Вырубилась, как после бессонной ночи и пришла в себя уже в темноте, лежа на заднем сиденьи, с сумочкой под головой.

Машина стояла на какой-то поляне. Водитель сидел на своем месте и курил, выпуская дым в открытое окно. На стекла падал отблеск костра. Ирина поправила сбившееся вверх платье, спросила:

– Где это мы?

– Трасса на Минск, – отозвался тот. – На ночь остановились. Не любит он ночью ездить.

– Кто?

– Лесь.

– Его зовут Лесь?

– Да. А ты что, не знала?

– Нет. Где он?

– Вон там, где костер горит.

Она откинула вперед жалобно скрипнувшее сиденье “Нивы” и выбралась из машины. Не ночь, скорее поздний вечер. На западе еще было светло. В нос ударил вкусный запах жарящегося мяса. Лесь, расположившийся у костра, как раз переворачивал распяленную на прутьях тушку кролика. Большой кролик, выдающийся... Где он его взял? В машине лежал, что-ли?

– Это заяц, – буркнул Лесь и откашлялся.

– Настоящий!?

– А каким еще может быть заяц?

– Я просто никогда их не видела. Откуда он взялся?

– Сам пришел. Познакомьтесь, Ирина, это заяц. Заяц, это Ирина. Присаживайся.

Она, подогнув под себя ноги, опустилась на охапку сена. Сено колосось сквозь платье. Ирина ойкнула и почесалась. Лесь фыркнул.

– Мне надо... в кусты, – сказала она.

– Весь лес перед тобою.

– А можно?

– Конечно. Не лопнуть же тебе.

– Что, если убегу?

– Куда ты ночью в лесу денешься? Да и заяц хорош, отъелся за лето... Пожалеешь потом, если не попробуешь.

Она отошла в кусты, вернулась. Лесь уже разложил куски зайца на листья лопуха и позвал водителя. Тот подошел, держа в руке начатую бутылку “Столичной”. Ирина посмотрела

на Лесья, но тот только махнул рукой. “Пей, если есть желание”. Ну раз так... Она выпила пару глотков из горла. Водка провалилась в желудок и под кожей потекли быстрые ручейки тепла. Заячья ножка без соли показалась удивительно вкусной.

– Почему комаров нет? – спросила она. – Место какое-то особое? И ветер, слышно, в ветвях шумит, а здесь его нет.

– Посмотрел бы я на того комара, который осмелится меня укусить, – ответил Лесь.

Успевший допить бутылку водитель доел мясо и ушел в машину. Слышно было, как он там скрипит сиденьями, устраиваясь на ночь. Ирина задумчиво посмотрела в ту сторону. Спать в бензиновой духоте ей совсем не хотелось. Лесь опять угадал ее мысли и молча показал рукой в сторону стоящей неподалеку скирды.

– Возьми там сена.

Она принесла пару охапок, улеглась поудобнее, уже не обращая внимания на уколы сухой травы. В голове слегка шумело от выпитого. От костра шло ровное тепло. В сон не тянуло, выспалась по дороге.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Никуда. Ты лежишь, я сижу.

– В смысле: на машине.

– На машине – в совхоз, где Иван работает.

– А потом?

– Потом пешком.

– Далеко?

– И да, и нет.

Она обратила внимание на кирзовые ботинки у него на ногах. Что, если идти придется по лесу?

– Я там пройду в туфлях?

– Пройдешь.

Они помолчали. Ирина вспоминала произошедшее за день. Случившееся плохо воспринималось разумом, казалось сном, или чем-то, произошедшим не с ней. Но это не сон. Она где-то между Москвой и Минском, у костра, на соломе. Напротив сидит самый странный человек из тех, кого она знала. Может быть, она с ума сошла? Или ее сбила машина. Сотрясение мозга и сейчас она лежит и бредит где-нибудь в больничной палате...

– Лесь...

– Что?

– Как мне вас теперь называть?

– Так и называй: Лесь.

– Я не о том. Вы мне сейчас можете приказать все, что угодно, да? Ну, чтобы я... Да?

– Да.

– Ну и как это называть?

– Это называется “учитель”.

– Ничего себе!.. А чему надо учиться?

– Знанию.

– Какому?

– Сама поймешь.

– Когда пойму?

– Не знаю. Но обязательно поймешь. Все понимают.

...

Утром Ирину разбудило солнце, светившее прямо в глаза. Она машинально одернула опять задравшееся почти до пояса платье, приподнялась и осмотрелась. Над лугом стелился густой туман, который еле-еле пробивало солнце, оставляя на нем четкие силуэты деревьев. Было холодно, но она почему-то не замерзла. И на траве роса, а платье было совсем сухим. Где все?

Сзади что-то звякнуло. Ирина обернулась и ойкнула. Прямо на нее смотрела грустными глазами самая обычная корова. Звенел большой медный колокольчик, висевший у нее на шее. Меланхолически поглядев на девушку, корова начала ощупывать травяную кочку.

– Пить хочешь?

Что-то слишком часто приходится оглядываться сегодня утром...

– Хочу.

– Держи.

Он отдал ей литровую банку, которую держал в руке. В банке было что-то белое.

– Молоко?

– Да.

– Это от нее, что-ли?

– От нее. Что такого? Она, видимо, от стада отбилась. Пастух проморгал. Ночью на свет костра вышла. А доить их каждый день нужно. Вот я две банки и надоил.

Молоко было странным на вкус. Ирина отпила пару глотков и вернула банку.

– Странный вкус.

– Еще бы не странный! В городе настоящего молока и не видели никогда.

Из машины вылез жевавший кусок черного хлеба водитель. Тоже сделал несколько глотков из банки, запивая молоком свой ломоть.

– Мне бы воды, – сказала Ирина. – Умыться, да и вообще себя в порядок привести.

– Сходи к роднику, – предложил Лесь. – Где дорога изгибается, видишь? Где трава повыше. Вот там он и есть. В машине есть канистра, заодно набери в нее.

Спустившись к повороту, Ирина действительно увидела в траве маленький ручеек, бравший начало от тоненькой струйки, текущей из под насыпи. Вода была ледяной, от нее ломило зубы. С полной канистрой она вернулась к машине.

– Напилась? Поехали. Нам еще Минск миновать надо.

– А корова? – спросила она.

Лесь посмотрел на нее и ей показалось, что взгляд был удивленным. Ответил:

– Сама дойдет до деревни по дороге. Здесь ни волков, ни медведей нет. Только лисы, да бобры еще.

...

Минск они обогнули с юга. Дважды их останавливали гаишники. “Нива” была с московскими номерами, видимо это их и привлекало. Первый раз просто проверили документы у водителя, а во второй молодой сержант начал намекать на штраф и на решение вопроса на месте. Лесю это быстро надоело. Ирина видела, как он со злым прищуром покосился на инспектора. Тот вдруг выпрямился, побледнел, сунул Ивану права и быстрым шагом пошел, а потом и побеждал к растущим вдоль обочины кустам.

– Не успеет, – прокомментировал Лесь.

Иван зафыркал, давясь сдавленным смехом и тронул машину.

– Что с ним? – спросила Ирина.

– Ничего особенного. Его вдруг по большому сходить потянуло. Не донесет, бедолага, расплещет!

Теперь водитель рассмеялся в голос.

– Вы его...

– Сам виноват. Иван, сверни здесь. Поговорить нужно с одним человеком.

Машина свернула с трассы в пыльный микрорайон и остановилась на обочине. Лесь вышел, хлопнул дверцей и ушел

куда-то во дворы.

– Иван! – позвала Ирина.

Тот повернул голову.

– Лесь – он кто?

Тот вздохнул и ответил:

– Я и сам не знаю толком. Лесником работает в заказнике.

У нас говорили, что ведьмак он.

– Колдун!?

– Ведьмак. Только ерунда это. Он никому никогда не вредил, только наказывал, если есть за что. Вот как того гайца, но и ему его жадность недорого обошлась. Не так давно был случай. У одного мужика в деревне брат вернулся с зоны. Больше некуда было, так он в деревню подался. Родной человек, не выгонишь. Ну и начал попивать водочку. Сначала понемногу, потом все больше. Хуже, что и брата спаивать начал. Жена того мужика к Лесю сбегала, пожаловалась. Не знаю уж, что там он сделал, но с тех пор брат этот магазина просто не видел.

– Как это?

– А вот так. С полочки бежит он в магазин, а того нет на месте. Вот улица нужная, вот дома знакомые, а магазина на ней нет, как не было. Он все село обошел, пока его искал. Так и не нашел. Пришел домой к брату с деньгами. Говорит: “Сходи ты! У меня кукушка съехала”. Тот пошел в магазин и тоже вернулся. Сказал, что встретил на улице здоровенную собаку чуть ли не с себя ростом. Та на него зарычала и шла

за ним, пока он обратно в калитку не юркнул. В дом зашел, а тут как раз часы бить начали. Кукушка из них выглянула, да и улыбнулась ему. И спряталась обратно. Так и пошло: или магазина на месте нет, или еще чего приключится с ними. В общем оба пить бросили.

– И много у вас таких?

– Сейчас мало, я так думаю. А раньше, до войны, Полесье глухоманью было. Бабка рассказывала, что тогда все деревенские к колдунам ходили, в каждой деревне своя ведьма была. К кому еще? Врачей не было. Да хороший, сильный колдун и не ждал, пока к нему придут. Сам являлся. Сейчас мы все, считай, городские. Никто уже в это не верит, хотя как знать? Вот Лесь тоже как городской выглядит, штаны американские носит. По нему и не скажешь. Как тот придурок-то побежал, который с палкой полосатой... Ха-ха! Бабка, помню, говорила, чтобы поменьше этим интересовался, а то ведьмак придет, да и заберет в ученики. Горы золотые посулит, родня тебя ему и отдаст. Потом пожалеют, да поздно будет. Вот потому я тебя и не спрашиваю, как ты к нему попала.

– Вот и не спрашивай. Целее будешь.

Лесь появился рядом с машиной неожиданно и услышал конец их разговора.

– Да я что? Я ничего... – Иван сразу стушевался. – Едем, что-ли?

– Едем.

Захлопнув за собой дверцу, Лесь сказал:

– Пойми, Иван, одно дело – учиться у деревенской знахарки. Ничего там сложного нет в травах и настоях, любой сможет, кроме разве что совсем дураков. Другое – у меня. Если не сможешь – сгоришь, а ты не сможешь. Тебя насквозь видно. Сам о смерти просить станешь, а она еще подумает, приходить ли.

– Дык я...

– Ты в Москву три дня назад на чем приехал?

– На “Запорожце”.

– А уехал на чем?

– На “Ниве”.

– Вот и радуйся жизни и тому, что ты мне ничего не должен.

– Да я ничего...

Они ехали еще часа два. Машина свернула с широкой трассы на узкую асфальтированную дорогу, потом пошла гравийка и наконец она остановилась прямо посреди леса. Лесь молча вышел, кивнул Ирине: “выходи”. Она тоже выбралась наружу. “Нива” фыркнула выхлопной трубой и уехала. Они остались одни.

Лесь долго стоял, глядя в лес и к чему-то прислушиваясь. Было тихо. Только птицы пели, да в траве стрекотали кузнечики. Наконец он сказал:

– Пойдем.

И первым пошел через дорогу. В траве обнаружилась

узенькая тропка, на которую они и свернули. Тропа причудливыми зигзагами петляла между кустов и деревьев. В какой-то момент Лесь остановился и буркнул:

– Пошутить решил, что-ли? Ну я тогда тоже пошучу!

– Что? – переспросила Ирина.

– Ничего. Я не тебе. А тыними платье, выверни его наизнанку, да надень снова.

– Зачем?

– Затем! – он покосился на нее через плечо. – Делай, что говорю!

Она поставила сумочку на землю, стянула платье через голову и сделала, как он сказал.

– Все.

– Хорошо. Пошли дальше.

Они двинулись по тропе дальше. Странно, но петлять она вроде бы стало меньше, спрямилась, да и кустов поубавилось. В кронах деревьев зашумел ветер. Лесь поднял голову и сказал:

– Что, не нравится? В следующий раз не будешь баловать.

– Я?

– Не ты. Леший местный. Скучно ему, а тут люди пришли. Меня он не мог не узнать, но решил поводить по лесу, покуражиться. Тропу заплел, следы спутал. Это же звериная тропка. Ее закружить проще простого.

– А платье зачем?

– Не любит он беспорядка – вот и сердится. Ему теперь

не до шуток.

– Может быть, обратно его вывернуть?

– Не нужно. В следующий раз думать будет, прежде чем что-то сделать. Всерьез напакостить он нам не решится, да и ростом он не вышел, чтобы мне пакостить.

Ветер опять зашумел, раскачивая сосны. В лесу будто бы потемнело.

– Я думала, что лешие только в сказках бывают.

– Сказки люди придумывают. Берут то, что есть и сочиняют, чтобы пострашнее было. Потом сами же и боятся.

– Значит он на самом деле не страшный?

– Ты его и не увидишь. Чего же бояться? Ладно, передень. Он все-таки не со зла, а от скуки. Тебя он теперь запомнит, вредить не будет.

Она снова на ходу вывернула платье. Прислушалась. Ветер все так же шумел в кронах. Успокоился он, или нет? А может быть, Лесь ее разыгрывает?

Тропинка вынырнула из леса на опушку и теперь шла вдоль неглубокого ручейка. Ей сразу захотелось пить. Да и время уже шло к полудню, а вместо завтрака у нее было всего несколько глотков парного молока. Что ей мешало попросить остановиться у магазина, когда были в городе? Эх, задним умом медведь умен...

– Скоро придем, немного осталось, – сказал Лесь через плечо. – Ты сними туфли, без них проще будет.

Без обуви идти действительно стало легче, да и тропка ма-

ло помалу превратилась в хорошо утоптанную тропу. Люди здесь явно ходили частенько. Большое поле за ручейком было распахано и там колосилась то-ли рожь, то-ли пшеница, а может быть и вообще овес. Ветер качал ее, по полю то и дело пробегали волны.

– Лесь?

Он повернул голову.

– На поле тоже кто-нибудь вроде лешего живет?

– Не на каждом. На этом трактор ходил. Кто там жить будет после бороны? А так – бывает.

– Как их зовут?

– Не надо их звать. А называют – кто как хочет. Полевиками, полуденницами иногда. На самом деле это просто мелкие, глупые бесы-анчутки. Им до людей обычно дела нет и как их называют – им без разницы.

– Везде кто-то есть, да?

– А ты как думала? Где люди – там такого меньше, но все равно есть. Они конечно человеку никакие не враги, иначе бы не жили рядом. Зря их так боятся.

– А черти?

– Что ты про них знаешь?

Голос Лесь звучал весело. Ирина пожала плечами.

– Ну... Они с рогами. Черные. Мохнатые.

– Корова тоже с рогами, черная и мохнатая. Молоко утром вкусное было?

– Да. Тогда кто они?

– Вот придем – я тебе Библию дам. Садись и читай. Най-
дешь там что-то про чертей – скажешь мне.

– А как же Сатана?

– Что Сатана?

– Ну он тоже черт, или нет?

Лесь громко рассмеялся.

– Ты про искушение Иисуса хотя бы слышала? Про то, как
он постился в пустыне, а в конце поста к нему Сатана явился
и предлагал поклониться ему.

– Нет. То есть давно, не помню уже.

– Вот такие вы, городские, и есть. Ничего толком не зна-
ете, но обо всем судите. Разве стал бы он с нечистью разго-
варивать? Нету никаких чертей. Ни черных, ни рогатых, ни
лысых в крапинку. Забудь про них. Правду говорят: страх от
невежества.

– А Сатана есть? Кто он тогда?

– Конечно есть. Куда же ему деться? Он царь над всеми
сынами гордости, лжец и отец лжи. Этим все сказано.

– Не очень понятно.

– Конечно. Куда тебе понять?

Глава вторая

– Вот и пришли. В прихожей ведра стоят. Сходи к роднику, за водой.

За водой!? Ирина смотрела, как Лесь вытаскивает веточку из дверных петель. Замка не было. Небольшая изба-пятистенок стояла в одиночестве на большой лесной поляне. Бревна, из которых она была сложена, почернели от времени. Из щелей между ними торчал мох. Только крыша, покрытая оцинкованной жестью, выглядела новой и весело блестела на солнце. Электрических проводов заметно не было. Как он тут живет?

Она спросила:

– Где здесь родник?

– Видишь ту тропинку? Прямо к нему выведет.

У порога был врыт в землю большой круглый камень. Дверь открылась без скрипа, петли были хорошо смазаны. В маленькой прихожей и правда стояли на лавке два больших пустых ведра, а рядом с ними висел на гвоздике маленький ковшик.

– Нет ли ничего на плечи накинуть? А то я в платье...

– Есть. Там на гвозде куртка висит. Одень ее.

Все-таки дорога сюда была. Две еле-еле видимых колеи заканчивались у сваленной рядом с сараем кучи дров. Лесь

подошел к ней, выбрал один чурбак и махнул стоящим здесь же тяжелым колуном. Половинки с громким треском разлетелись в стороны.

– Что смотришь? – спросил он, не оборачиваясь.

– Первый раз вижу, как дрова колют.

– Так ведь огонь сам по себе гореть не будет.

...

До родника было совсем близко. Вода стекала по красной глине невысокого обрыва, собиралась в деревянный лоток, по нему лилась струйкой в траву и там собиралась в небольшой водоем. Под эту струйку она и подставила ведро. Обернулась и увидела подходившую к ней пожилую женщину с двумя ведрами на коромысле.

– Добры дэнь, – поздоровалась та с сильным акцентом. –

Вы хто будете?

– Я к Лесю приехала, – ответила она.

– К лэснику? Зразумела. Вы кем ему доводитесь?

– Учиться у него буду.

– Лэсное дело, значит? То хорошо. А я с деревни, с вески.

Сюды по воду хожу. Вода тут гаючая.

– Какая?

– Ну хорошая, значит. Целебная.

Она еще тараторила о чем-то, мешая незнакомые местные слова с русскими, но Ирина ее не особенно слушала. Выхо-

дит, местные Леся знают, как обычного лесника, или егеря и нисколько не боятся. Вот и женщина эта приезд на учебу восприняла совершенно нормально. Студентка на практике – что такого? Деревня, значит, тут рядом... А самое смешное, что она действительно заканчивала лесохозяйственный. Стоп! Ведь распределение же осенью будет, а я тут с ведром бегаю!

Она подхватила наполнившееся ведро, сказала: “До свидания!” – и быстрым шагом пошла обратно.

Ее заявление о том, что нужно вернуться в Москву, не произвело на Леся никакого впечатления. Он только отмахнулся и сказал, что это не важно и каждый сам выбирает, где трудиться. А то, что ей место определить должны – так и определяют, какое надо, пусть не беспокоится. Сходит потом в контору местного леспромхоза, отдаст диплом и ей оформят все, что нужно. Кесарю – кесарево. Найдутся для этого нужные люди.

– Ты лучше баню протопи, да вымойся как следует, а то пропахла насквозь гарью, бензином и резиной жженой.

– Как ее топить?

– Очень просто. Пойдем, покажу.

Баней оказался маленький домик за избой. Внутри из мебели была один широкий полок в два яруса. В углу на железном поддоне стояла печка. На печку были навалены камни. В потолок уходила жестяная труба.

– Много дров не клади. Стрелять начнут, угольки поле-

тят – так и баню сжечь можно. Огонь, да молнию заговорить сложнее всего.

– Как это, “заговорить”?

– Тебе уже интересно? – он усмехнулся. – Во всем разберешься, дай срок. А пока – разжигай огонь. Дров я наколот.

...

Вода из ковшика полилась на камни и пар ударил вверх тугим комом. Лицо обожгло. Ирина легла на нижнюю скамью полока, где не так сильно пекло. Она не могла понять, нравится ей это издевательство, или нет.

Пот стекал по телу струйками. Было жарко и в то же время хорошо. Хотелось растечься по полоку блином и валяться бесконечно в этой влажной жаре.

Не глядя, она протянула руку к подоконнику, где оставила мыло. У колдуна не водилось ни трав, ни каких то особых снадобий на этот случай, обычное “Банное”. Мочалку она сама скрутила из травы. Дело не хитрое, в пионерском лагере научилась. Не дотянулась конечно, надо было вставать. Вдруг пальцы ощутили скользкий окатыш.

– На, не урони.

– Ой! Кто тут?

Она подскочила, прикрылась руками и сквозь пар разглядела в углу маленького, тощего, бородатого старичка. Тот смотрел на нее из угла и ухмылялся.

– Кто ты?

– Как кто? Банник он. Не узнала что-ли, девка?

– Как я тебя узнаю, если никогда в жизни не видела?

– И то верно. Рыжая... Баская... Ты к хозяину приехала?

– Тебе какое дело?

– Им дело есть. Они здесь давно живут, им не все равно, кто с ними рядом будет.

О себе он говорил почему то в третьем лице, а голос звучал тоненько, но громко.

– Учиться у него буду.

– А-а-а! Тогда прости, что напугал. Это дело нужное. Хозяину, слышь, давно ученик-то нужен, только он все никак найти не мог, чтобы по силам был. Ты их не бойся. Они для тебя не опасные.

Ирина уже осмелела и махнула на банника травяной мочалкой.

– Сгинь тогда! Чего пялишься!?

– А то уж и посмотреть нельзя... Ладно, не буду.

И старичок исчез, как будто его и не было. Она снова опустилась на полок, держа в одной руке мыло, а в другой мочалку. Это было уже слишком. Теперь что, каждый раз в компании мыться? Хотя... Чем ей эта нечисть мешает? Да ничем. И она решительно намылилась.

...

Выслушав ее, Лесь кивнул и сказал:

– Банник, или банный дух. Он не злой, только не крестись при нем. Ты, гляжу, скоро со всеми тут перезнакомишься.

– К кем “со всеми”?

– С бесами, что вокруг людей пристроились. Есть те, кому человек не нужен вовсе, но есть и другие, те, кто без хозяина не может. Домовой, банник, баечник, возила... Эти поумнее бывают. Научились и разговаривать за много лет, что с людьми живут. Не ссорься с ними. Или вот ледащий... Ты на соломе вчера сидела? Сидела. А ледащего поблагодарила? Нет. А ведь он ее хранил. Может и обидеться, пакостить начнет по мелочам. Зачем тебе это?

– Надо же... Все как в сказках пишут.

– Так ведь сказку сочинить – тоже умным человеком быть нужно и свой талант иметь.

– А почему вы их бесами называете?

– Потому что если хозяин себя неправильно ведет, то они беситься начинают. Вредничают, каждый по-своему. Но если их не злить, то не мешают, даже помочь стараются. Они ведь тоже созданы для этого мира, как и человек.

– Чем?

– Мне – ничем особенным. Разве что дом посторожить. А тому, у кого большое хозяйство, очень даже пригодиться могут. Обычно они на глаза стараются не попадаться, но сейчас любопытно им, кто это во дворе появился. Ты есть хочешь?

– Давно уже.

– В комнате, на столе узелок. Принесли, пока ты парилась. За травами иногда люди приходят, благодарят, чем могут. Денег я не беру, так они еды приносят. Бери и ешь.

– А вы?

– Я не голодный.

В узелке оказалась большая банка с молоком, несколько яиц, большую луковицу и каравай белого хлеба. Сварить яйца, что-ли? Ирина посмотрела на полку. На ней стояли бутылка, судя по всему, с подсолнечным маслом, а в печке она видела сковороду.

– Как насчет яичницы? – крикнула она в комнату.

– Как хочешь!

Она вышла во двор, к бочке с дождевой водой, чтобы ополоснуть сковороду, но остановилась в дверях. Во дворе, рядом с поленницей сидела здоровенная серая собака и глядела прямо на нее, наострив уши и вывалив наружу длинный язык.

Собак Ирина не боялась никогда, поэтому просто подошла к бочке, зачерпнула ковшом воды и стала тереть сковороду тряпкой. Пес тем временем поднялся, подошел и понюхал подол платья. Фыркнул и снова уселся. Вернувшись в дом, она отрезала от каравая краюху, вынесла ее наружу и протянула псу. Тот подошел, заинтересованно наклонил голову, принялся, аккуратно взял хлеб зубами и утащил в тень.

– Там собака во дворе, – сказала она Лесю, вернувшись.

– Знаю, – отозвался тот.

– Ваша?

– Нет. Не бойся. Это Серко, он зря не обидит.

– Я и не боюсь. Хлеба ему дала.

Он усмехнулся.

– Зря. Будет теперь хвостом ходить, не отвяжется. Так-то это и не собака на самом деле, а волк. Но местные думают, что просто похож.

– Как это, волк? Он вон какой здоровенный. Я думала, они меньше.

– Вот так вот, волк. Не простой, конечно, это ты правильно заметила. Раньше он человеком был, да так вышло, что перехитрил сам себя.

– Расскажите?

– Почему же нет? Тебе такие вещи и нужно знать. Давно уже тому назад, еще до первой великой войны, жил в здешних местах знахарь один. И полюбил он дочь одного местного пана-помещика. А родителей тогда крепко слушались, не то, что сейчас и мимо отцовской воли паненка бы за него не пошла. Решили они к ее отцу вместе прийти и в ноги броситься. Так и сделали. А пан тот знал, кто такой этот знахарь и спросил его: “Что ты для меня сделать можешь?” Знахарь ответил: “Все, что в моих силах”. “А дар свой передать мне сможешь?” “Смогу”. Это можно сделать, когда по обещанию. Ну и стал тогда знахарь обычным человеком, женился на любимой и прожил обычную человеческую жизнь. А пан стал

знахарем.

– При чем же здесь волк?

– При том, что тому, первому знахарю, срок подходил через десять лет, а помещик вместе со знанием и судьбу его принял. Что тут поделаться? От другого Морану еще можно отогнать на время, а от себя – никак. На погост неохота. Начал тогда пан старые книги искать и читать их. В Варшаву ездил, в Петербург, в Москву, по монастырям всяким искал и в итоге нашел способ уйти от костлявой. Нужно ему было обернуться за три дня до смерти волком. Зверь – не человек, у него судьба своя. Как это сделать, он конечно знал. В нужный день перекувырнулся через девять ножей, стал зверем и убежал в лес. А до того, чтобы потом обратно в человека превратиться, велел своей дочери те ножи через три дня сломать. Вот только ломать она их не стала, а намазала маслом, чтобы не ржавели и где-то спрятала. Где – неизвестно, она тоже кое-что умела, так что даже я потом не нашел. Так и остался пан помещик волком. Смерть он все же обманул. Пока он в волчьей шкуре, она его не видит. Волки его в стаю не принимают, люди опасаются, он и прибился ко мне.

– Зачем она это сделала?

– Панночка? Так из-за наследства же, из-за земли окрестной. Когда ее отец пропал, она все и получила, только впрок оно ей не пошло. Сначала мировая война, потом революция, потом гражданская... Всего лишилась и сама сгинула. Местный совхоз, считай, на этих землях и помещается. А этот, се-

рый, отсюда не уходит. Он все-таки поумнее обычного зверя и помнит, что здесь хозяином был когда-то.

– Грустная история.

– Это точно, – Лесь кивнул. – Когда жадность человека борет – это всегда грустно. Ты вроде яйца зажарить хотела? Забыла?

– Ой!

Глава третья

Утром Ирину, спавшую в маленькой комнате, разбудили голоса за дверями. Она выглянула в окно. Лесь о чем-то говорил с полным, усатым мужчиной. Потом гость сел в стоящий за забором “козлик”, завел мотор и уехал. Лесь вернулся в дом, сразу пошел к печи и вытащил из под нее два небольших горшка. Сказал ей:

– Пойдем, поглядишь.

И вышел. Ирина вышла за ним.

– Приезжал председатель, жаловался, что засуха идет. Помочь просил. Иван ему рассказал, что я приехал.

– Вы и это можете?

– Это как раз самое простое. Любая деревенская ворожея справится, если знает, как. Сложнее в меру все сделать, чтобы дожди не лили потом пару месяцев. И надо помнить, что из ничего дождь не возьмется. Если где-то ливень, то в другом месте будет сухо. Здесь тоже своя мера нужна. Гляди теперь!

Он зачерпнул из бочки немного стоялой, зазеленевшей уже дождевой воды. Сложил горшки вместе, устьями один к другому. Потряс их и резко развел руки в стороны. Вода веером разлетелась в стороны.

– Вот и все. Теперь подождать.

Мимоходом он толкнул полную зазеленелой воды бочку. Та упала. Вода выплеснулась на двор. Лесь снова поднял ее и поставил под водосток. Вдалеке лениво, будто нехотя громыхнул гром. Ветер, и до того еле ощущавшийся, совсем стих и над землей разлилась жаркая духота.

– Вот так хорошо... Править не нужно. Главное: аккуратно все делать и тогда оно к добру будет.

Над их головами с криком пронеслась ласточка, за ней еще одна. Лесь проводил их взглядом, повернулся и ушел в дом. Ирина смотрела, как далеко на юге небо постепенно заволакивается тучами.

У нее было странное ощущение того, что кто-то смотрит на нее. Безразлично, даже и не замечая почти, как она бы не заметила песчинку в горсти родниковой воды. Ну лежит, так и пусть себе лежит. Пить-то хочется. И в то же время ее явно заметили и сделали отметку на память: вот, мол, есть такая, стоит во дворе босиком и надо учитывать ее наличие. Она села на лавку, привалилась спиной к бревенчатой стене и закрыла глаза, слушая тишину. Мир медленно вращался вокруг нее, в нем что-то менялось и тихо гудела огромная, невидимая струна. Потом это гудение превратилось в шум мотора и она открыла глаза.

...

Знакомая “Нива” тормознула у забора. Иван и еще один

молодой парень выскочили из нее. Второй начал возиться с другой стороны машины, а Иван подбежал к ней. Спросил:

– Где Лесь?

– В доме, – ответила она. – Что случилось?

– Да свояченица у брата рожать вдруг надумала. Ей рано еще, восьмой месяц, а тут пошла к матери, да и споткнулась на тропке, упала. Хорошо, Петр оттуда же шел. Услышал, как стонет. Он ее успокоил, да ко мне и побежал. Я – за руль. Насилу там проехал через овраги. Лесь, поможешь?

Тот уже вышел и слушал, стоя в дверях. покачал головой.

– Не проси. Не сумею. Ребенка могу испортить и ей плохо будет. Сама должна справиться.

– Да как так-то?.. – Иван всплеснул руками.

– Мне ее трогать нельзя. Будет хуже.

– В город везти – не довезем. Она ведь полдня уже мучается.

Лесь молчал. Ирина посмотрела на его хмурое лицо и решилась:

– Воду нагрейте.

– Что?

– Воду нагрейте, говорю. У нас военной кафедры не было в институте, так мы в медицинский ходили. Я, между прочим, санитарный инструктор по военно-учетной специальности. Нельзя же ее так просто бросить. Лесь поглядел на нее, подумал и ушел в дом. Сразу же вышел обратно, держа в руке ведро с водой.

– Несите ее под навес. В этот дом нельзя ей.

И спросил у Ирины:

– Такая вода сойдет?

Она сунула в ведро локоть.

– Сойдет. Иван, в машине аптечку видела. Неси сюда. И эту, которая... под навес, на сено.

Когда стонущую женщину опустили на сено, лежавшее под навесом, она без церемоний стянула с нее юбку и белье.

– У-у-у! Заросла-то как! Ладно, давай посмотрим, что там у тебя... Иван, брысь отсюда! А ты останься, мало ли помочь надо будет.

Мужик торопливо закивал.

...

Когда женщину, обнимающую завернутого в ее же кофту ребенка, наконец усадили на заднее сиденье машины и увезли, Ирина устало села на лавку и наконец расслабилась. Роды прошли тяжело. Сказался испуг и ранний срок, но все-таки все закончилось удачно. Стихли женские крики и в предгрозовую тишину вонзился жалобный детский вопль.

– Над Петькой теперь смеяться будут в селе, – сказал Лесь, стоявший сзади. – Скажут: “Ты теперь гинеколог. Сходи бабку Марию посмотри, не заросла ли совсем?”

– Он же ее муж?

– Чей? Бабки Марии!?

– Этой, которая родила.

– Нет. С чего ты взяла, что он ее муж? Он ей дальняя родня, третья вода на киселе, а муж ее – Ивана двоюродный брат, Никита-тракторист. Петька просто шел в деревню и ее лежащую увидел.

– Да? А я его помогать припрягла... Но нельзя же было ее вот так просто выгнать?

– Почему?

– Но как же?..

– Вот так. Отказать и все, с концами. Это мой дом, я в своем праве. Пойми: тут нечисти – прорва и для любого из них детский крик – приманка, как сыр для мыши. И мне тоже к новорожденному притрагиваться нельзя.

– Мне, значит, можно?

– Тебе – можно. Знахарить у женщин всегда лучше получалось, чем у мужчин. Природа у них такая. Ты и оборотня хлебом с рук покормила – и ничего, и банника мочалкой, чуть ли не в бороду, а он стерпел. Это при том, что ты и не умеешь еще ничего.

Из-за угла показалась большая серая башка. Серко подошел, понюхал руку Ирины и сел рядом. Она почесала его между ушей.

– Видишь? Мне бы он не дался, ушел бы. Тебя терпит.

– Значит вы бы так и отказали, не будь здесь меня?

Лесь вздохнул.

– Глупа же ты еще... Боль Наташке кто облегчил? Ты, что-

ли? Зачем я с утра печь протопил и ведро с водой на нее поставил? Почему на вас там ни одна муха не села? Люди должны понимать, что ты здесь не просто так, сбоку припека, но помочь можешь. Теперь помолчи-ка до ночи и подумай о том, когда говорить надо, а когда и нет.

Он щелкнул пальцами. Серко наклонил голову и заскулил, а Ирина поняла, что она не может сказать ни слова.

Глава четвертая

– Когда был создан первый человек, то первое, что он сделал, это начал изучать окружающий его мир, а значит собирать знания о нем. Давал имена окружающим его вещам и животным. Верно сказано, что знания – сила. Но он, хоть и был создан по образу и подобию, не смог справиться один и тогда в помощь ему была создана Ева. Так и вышло, что у женщины гораздо больше любопытства, чем у мужчины и способность к именам у нее особая. А заговор – это и есть правильно произнесенные имена. Там, где мужчина приказывает, женщина просит и уговаривает.

– И что лучше?

– От человека зависит. От таланта его, от способностей. У одних к лечению душа лежит, у других – к войне, у третьих – к богатству. Куда пошел – туда и пойдешь, но как далеко – зависит только от тебя. А что выбрать – сам, заранее, не узнаешь. Учитель может помочь, подсказать, но тех, кто способен учить, очень мало, по пальцам пересчитать можно. Поэтому и шарлатанов так много вокруг. Чувствует человек, что может что-то сделать, а как – не знает. То вспыхнет его искра, то погаснет, то чадит и воняет. Где-то получится, где-то нет. Где-то он поможет, где-то навредит.

– То есть только три направления есть?

– Это я так сказал, для примера. Но я считаю, что главных путей и есть три. Можно менять мир, можно менять людей и можно менять самого себя. Учитель должен все три дела уметь, а уж куда эти дороги его заведут: к жизни, или к смерти, никто заранее не знает. Теперь понимаешь, почему учителей так мало?

– Если умеешь одно, то к остальному не тянет.

– Да. Тяжело одновременно и добрым быть, и жестоким, и сильным, и слабым. Еще тяжелее другого этому научить. Учить нескольких людей сразу – во сто крат тяжелее. Даже у Иисуса всего тринадцать учеников было, а ведь он мог мертвого на ноги поднять. Сейчас таких людей нет и браться учить кого-то приходится с большой опаской. Ну как возьмешь, а он окажется дураком? Его ведь не бросишь потом.

– Почему? Выгнал, да нового взял.

– Это только на словах просто: “выгнал”. Есть очень старая поговорка: “Когда учишь – учишься”. Если у тебя ученик есть, то и сам учитель быстрее силу набирает. Выгони его, а он часть твоей силы с собой заберет. Кому лучше будет? Так можно и вовсе без нее остаться и копить потом сто лет! Поэтому учить нужно до тех пор, пока не сможешь сказать, что более ты ему ничего передать не можешь. Тогда и отпускать можно. Сейчас редко такое бывает. Чаще ученик доживает до своей смерти, а научиться ничему толком не так и не сумеет.

– Ты тогда говорил, что силу можно любому человеку пе-

редать.

– Можно, да. Но и тут все не так просто. Во-первых: согласие требуется у обоих. Насильно нельзя заставить ни отдать, ни принять. Хоть ты человека на костре жги – не получится. Во-вторых: из одного в другого все не перельешь. Это как водопад, все очень быстро происходит и часть знаний обязательно прольется. Хорошо, если меньшая часть. И в-третьих: от одного знающего к другому тоже знания не передашь и в ученики его не возьмешь. Запрет на этом. Пытались раньше доминиканцы, псы господни, святая инквизиция. Много колдунов сгорело, но без толку. Сила расточалась и ее приходилось по частям собирать, а это долго и те, кто пытался, сами плохой смертью умирали.. Зато если умрет вдруг кто-то сильный, то тот, кто его убил, или ученик умершего, может его силу собрать быстро. Все равно, как не промывать золото из песка, а монеты разбросанные поднимать. Часть пропадет, но все равно обогатишься. Слабых, понятное дело, убивать смысла нет, а вот сильных... На них охота всегда шла.

– И на тебя?

– Конечно. Но меня достать сложно. За меня вся эта земля заступится при случае, как и я за нее заступался. Подскажет, если кто подобраться решит. Узнаю заранее и кто тогда дичью-то станет, а? Ученик может тебя предать, но и тут для него большой риск пустым остаться. Силу ведь не только он подбирать будет. Желających много найдется и они опытнее.

Как думаешь, почему Иуда повесился на осине? Он учителя предал, того убили, а что предателю досталось? Ничего, одно серебро. Вот и расстроился он так, что в петлю полез. Туда и дорога. Слышишь меня? Да ты спишь... Ну посмотри тогда сон. Мой сон...

...

Потом в героических книжках напишут, что они погибли, но не сломались. Это будет враньем. Если у тебя во рту два дня не будет ни капли воды, ты обязательно сломаешься. Другое дело, что это никому не будет нужно.

“Дурханглагер номер 182” – так это место называли немцы. “Ад” – так его называли русские пленные. Огромная толпа людей в карьере кирпичного завода под Уманью. Грязная, завшивленная, медленно умирающая от голода и жажды. Смерд от уманской ямы, говорят, чувствовался за десять километров. Пленные умирали, но меньше их не становилось, потому что каждый день сюда пригоняли новых.

Лесю повезло. Он попал сюда, когда немцы кое-как организовали питание. Дважды повезло, что пошли дожди и он не загнулся от дизентерии на третий день. А еще у него был противогаз и он знал три слова по-немецки.

Раз в день немцы раздавали баланду. Котелков почти ни у кого из пленных не было и они считались огромной ценностью. За них дрались и убивали, потому что в ладони горя-

чее варево не нальешь.

У их навеса вместо котелка был большой горшок. Один на две сотни человек. У соседей – жестяное ведро. Но из ведра пить было совсем уж неудобно, поэтому баланде давали чуть остыть и черпали ее горстями, по очереди.

Лесь был совсем богач. Ходил к кухне с резиновой маской, говорил: “Битте, герр офицер!” Немец в грязном фартуке ухмылялся и наливал в нее полный черпак. Иногда его прогоняли. Тогда он собирал в резиновую маску подтекающую с глиняных стен карьера воду и поил раненых, тех, что были в сознании. Те все равно умирали, но когда противогаз попытался отобрать какой-то рослый украинец, остальные пленные набросились на него и били, пока тот не перестал шевелиться.

Так прошла неделя и он равнодушно прикидывал, что продержится еще дня три, не больше.

– Малой! Слышь, малой!..

Его трясли за плечо. Лесь с трудом открыл глаза. Каждый вечер он засыпал с надеждой не проснуться и каждое утро... Но утром еще и не пахло, рассвет только-только занимался.

– Нахер будишь? Дай сдохнуть спокойно.

– Погоди подыхать. С тобой поговорить хотят. Наш сержант. Пойдем.

Лесь присмотрелся в полутьме. Пленный был из новых, еще не ослабел, голос звучал сильно.

– Какой еще сержант?

– Увидишь сам. Пошли. Не тащить же тебя. Да не ссы, он здесь, под навесом. Ты его вечером водой поил.

Он вчера двадцать человек напоил, может среди них и был какой-нибудь сержант. Черт его знает.

– Ладно, пошли.

Они обогнули спящих людей, сбившихся в одну большую кучу. С противоположного края действительно лежал человек и еще трое солдат сидели рядом с ним. Немного поодаль от остальных. Новички в лагере всегда поначалу пытались как-то отделиться, но потом понимали, что это глупо. Горшок-то под баланду один на всех.

Он подошел, посмотрел. Даже его притупившееся за это время обоняние чувствовало запах гноя, просачивающегося из под повязок. Не жилец. Зря вчера воду тратил.

Его сопровождающий опустился рядом с сержантом на колени и прошептал:

– Лесник, слышь! Привел я его. Еле нашел.

– Привел? Молодец... – простонал сержант. – Это хорошо. Где он там? Я голову повернуть не могу. Скрутило всего. Фашист, сука, больно уж силен оказался. А вы отойдите.

– Малой, давай сюда, – сказал солдат и вместе с остальными отошел шага на три.

Лесь наклонился к умирающему, сказал:

– Воды нет. Утром наберу, принесу.

– Дурак. Я не о том. Тебя как зовут?

– Лесь.

– Белорус?

– Да.

– Выбраться отсюда хочешь?

Бредит. Немцы даже на работы никого отсюда не забирали.

– Ну, хочу.

– Не нукай, не запряг, – он тяжело, с надрывом вздохнул, закашлялся, сплюнул в ладонь черной в предрассветном сумраке кровью. – Что отдал бы за это?

– Все бы отдал.

– Заметано! Возьми меня за руку и слушай. Выведи отсюда моих людей. Это будет твоя плата. Выведешь – мы в расчете. Не сделаешь – на том свете найду. Понял, щенок?

– О чем ты?

– Руку давай, вот о чем. Времени нет совсем, сила уходит. Немец не простой пулей стрелял, но и я ему не даром дался. Ученик его уже в ад стучится, а без него найдется, кому за меня отомстить.

– Какой еще ученик?

– Такой. Руку давай, говорю! Моя в крови, твоя в земле – в самый раз. Хрен ему, а не сила моя.

Холодные пальцы с неожиданной силой стиснули ладонь Леся, сомкнулись стальным кольцом. Кольцо это вдруг стало очень горячим. Будь он здоров – заорал бы на всю яму, а так только дернулся, пытаясь вырваться. Не смог. Черное звездное небо вдруг оказалось близко-близко. Звезды смеялись и

пытались что-то сказать ему, видимо то, что не успел сказать Лесник. Потом пальцы разжались и он наконец сумел разлепить плотно сжатые веки.

Солнце уже поднялось над горизонтом. Четверо пограничников (“откуда я это знаю, на них же нет знаков различия?”) сидели рядом с ним. Труп сержанта тоже никуда не делся.

– Ну что, малой? – спросил знакомый голос. – Что делать будем?

– Что делать?..

Леся сейчас переполняла сила, каким то образом “занятая” им у изможденных людей вокруг. У каждого понемногу, с миру по нитке. Он резко поднялся, но сразу одернул себя: нельзя было казаться окружающим здоровым. Понятно было, что это подарок того, кого звали Лесником. Пользоваться этим подарком он пока не очень умел, но на заданный вопрос мог ответить уже сейчас.

– Поднимайте его и пошли.

– Куда?

– На выход.

Те переглянулись и повиновались.

Мимо навесов, под которыми прятались от солнца люди, мимо кухонь, которые охранялись немецкими автоматчиками, мимо забора из колючей проволоки они вышли к караульным. Немец за колючкой поднял карабин и что-то крикнул. Лесь в ответ поднял в вытянутой руке свой комсомоль-

ский билет, который прятал в обмотке и закричал, показывая на труп, лежащий на шинели:

– Герр офицер! Битте! Комиссар!

Немец заинтересовался и вытянул шею, пытаясь разглядеть, что там ему показывают., Сам к колючке не пошел, а вытащил из кармана свисток и издал громкую трель. Вскоре появился еще один фашист, с какими то нашивками, явно не рядовой. Выслушал часового, повернулся к Лесю, сделал знак рукой: “Несите, мол, к проходу” – и сам пошел вдоль проволоки.

В большом сарае, из которого немцы сделали пропускник, они встретились. Немец требовательно протянул руку, щелкнул пальцами. Лесь протянул ему красную книжечку и... нанес удар. Не рукой конечно, рукой он эту орясину и в лучшие времена не смог бы с ног сбить, а доставшейся ему силой. Глаза фашиста округлились и сошлись, как будто он хотел разглядеть кончик носа. Немец весь побледнел, но сразу пришел в себя и, держа в руке комсомольский билет, пошел к выходу из сарая.

Лесь и пограничники двинулись за ним. Стоявший за перегородкой часовой направил было на них автомат, но тот, что с нашивками рывкнул на него и замахал рукой, чтобы они быстрее шли следом. Странно, но на этот раз Лесь почти понял его фразу. Что бы ему не досталось в наследство, сейчас оно крепко в нем, набирая силу. “Вот и чужой язык разбирать научился...” – подумал он.

По дороге они поднялись к домикам, в которых жила администрация лагеря, прошли между ними и вошли в крайний. Теперь все было совсем просто. Здесь, в караулке, нашлась немецкая форма и через десять минут пятеро рядовых вермахта, возглавляемые фельдфебелем, промаршировали колонной по два мимо не обратившего на них никакого внимания часового.

...

Через три часа после того, как они скрылись за лесом, с другой стороны к лагерю вырулили две машины. Одна легковая, вторая – грузовик с охраной. Из легковой вышел подтянутый офицер в полевой форме вермахта. К нему из домика выскочил комендант и они вместе пошли к ограждению. Приехавший долго смотрел на толпу пленных, потом повернулся, не говоря ни слова сел в машину и уехал.

Собирать было нечего. Сила ушла отсюда. Ничего, наступит день, когда он встретится с ее нынешним обладателем. Тот не скроется. Найти его – лишь вопрос времени, но сейчас его ждал фронт.

Глава пятая

– ...кашель так со мной так с тех пор и остался. То-ли он у меня уже был тогда, в концлагере, то-ли от учителя достался, вместе с судьбой. Вот и приходится... Выкуришь парочку – полегчает.

Лесь выбил трубку, достал уже знакомый Ирине кисет и снова набил ее.

– Вылечить нельзя?

– Ты знаешь, что такое рычаг? “Дайте мне точку опоры и я сдвину землю” – это про нас и есть. Точка опоры – ты сам. Весь мир может знающий сдвинуть, но только не себя.

– Кто-нибудь другой может.

– Не может, рыжая. Мы часть этого мира. Его ось, если хочешь. Изменишь себя – и мир начнет вращаться по-другому. Поэтому себя менять сложнее всего.

– А как же тогда спортсмены? Они тренируются, становятся сильнее.

– Это другое. Они только внешне меняются, все на это направлено. Но смотри сама: даже так, даже если меняешься только внешне, все равно у тебя и поклонники появляются, и последователи, а потом ты и сам учить начинаешь. След за тобой остается и след глубокий. То есть даже так человек может за собой других людей вести. А такому, как я, меняться

– страшное дело. Тебе бы понравилось, если бы здесь, вокруг нас, была пустыня и кактусы? Хотя кактус – тоже растение полезное, но пусть лучше здесь у нас растет то, что растет.

– Расскажи.

– Это показывать надо. Что толку рассказывать, если человек сам не видел? Пойдем на обход – тогда. Хотя...

Он приподнялся и взял с окна лежавшую на подоконнике сухую травку. Потер ее в пальцах. Терпкий, сильный запах ударил в нос, Ирина чихнула.

– Болиголов, – сказал Лесь. – Еще багульником называют.

– И что с ним делают?

– Кто?

– В каком смысле “кто”? – удивилась Ирина. – Люди конечно.

Лесь улыбнулся.

– Люди... Есть еще пчелы, лоси, кабаны, бобры, Солнце, Луна, нечисть разная. И каждый с ним что-то делает. Ну а он что-то делает с ними. Мир немножко сложнее, чем тебе казался. Ведь вроде бы травка простая, болотная. Растет на торфе. И вдруг на тебе: кому он только не нужен... Ты про вересковый мед слышала?

– “Из вереска напиток забыт давным-давно...”

– Да, это самое и есть.

– Из него делали?

– Не из него. Но это тоже вереск и свойства у него те же самые. Если пчелы с болиголова мед соберут, то он получа-

ется особенным. Видения может вызвать, или приступ злости Отсюда и все рассказы о том, как в старину медом допьяна напайвали. Берсерки тоже такой мед ценили.

– Надо же...

– Крупинка знаний, крупинка силы. Но просто узнать что-то мало. Нужно понять. Попробуй послушать его, попросить рассказать о себе. Сама ему о себе расскажи. Может быть, он и отзовется, как знать? Сам тебе объяснит, для чего он и чем помочь может. Я ведь и сотой доли не знаю о нем. А еще можно у местных жителей спросить.

– Тут же болото. Здесь что, люди живут?

– Я не про людей говорил. Послушай-ка сказку...

...

Балда – это такой кузнечный молот. Тяжелая, здоровенная железяка. Махать ею – ума много не нужно, зато нужно немеряно силы и выносливости. Вот Емелю за силу, к которой Бог не добавил при рождении ума, Балдой на деревне и звали. Отец пытался его пристроить. В кузню деревенскую ходил, управителю помещицкому кланялся, но никому его сын не был нужен. Так и махнул рукой.

“Подвигами” своими Балда был прославлен на всю округу. Лошадь, было дело, на себе таскал, подковы гнул... Его кузнец и выгнал за то, что он с подначки разогнул все, что были в кузне, лошадь же перепугалась и стала беситься. Ду-

рак – он и есть дурак, хоть и не юродивый, но даже землю пахать не годился. Идет за плугом, идет, а потом встанет и давай на птичек смотреть. Выпить, опять же, любил. Пьяным становился буен и гонял корчмаря по деревне. В общем одно слово: Балда.

А потом Емеля влюбился. В поповскую дочку, девку на выданье. Парень загрустил. Отец заметил, что с сыном не так что-то, вызнал, посмеялся, да мало того: язык за зубами не удержал. Вскоре о его кручине знала вся деревня. Посыпались шуточки, а хуже всего пришлось поповне. Ее совсем задразнили, все спрашивали: скоро ли ей за дурака замуж идти? Девке это надоело и она высказала Балде все, как есть, прямо при людях. И убежала. А Балда взял в сарае веревку подлиннее и пошел в лес, вешаться.

Он выбрал на берегу реки подходящий вяз, растущий на обрыве и закинул на ветку веревку. Потянул, прикинул, не прогнется ли та, скрутил петлю.

– Что, паря, жизнь не мила, раз любовь подвела?

Он обернулся. Сзади стоял незнакомый старик с суковатой палкой в руках и, несмотря на начало осени, в теплой шубе. Балда тоже стоял и смотрел на него. Вешаться при свидетелях было как-то стыдно.

– Чего остановился? – спросил старикашка.

– А ты чего?

– Я стою, смотрю. Нельзя, что ли, поглядеть, как ты душу свою загубишь?

– Нельзя. Иди себе, куда шел.

– Так я сюда и шел. А тут ты, веревку в речке мочишь, да воду мою мутишь.

Парень не знал, что делать. Злым он не был и просто подойти к старику, развернуть его, да попотчевать на дорожку пинком под зад, ему даже в голову не пришло. Он мял в руках веревку и смотрел на старика. Тот покачал головой и сказал:

– Не дело затеял, сам понимаешь. Вижу я беду твою... Что же сделать-то с нею? Помочь тебе разве?

– Как?

– Как, спрашиваешь, помочь? Надо подумать... А если помогу, то что мне будет?

– Нету у меня ничего.

– Как так нету? – старик прищурился. – А веревка?

– Веревка есть.

– Вот ее и отдашь. Только давиться я тебе на ней не разрешу.

– Да я уж того... и сам передумал.

– Это правильно. Я бы, может, и не стал бы тебе, дураку, мешать, да очень уж меня ее родитель обидел однажды. Чем – тебе о том знать не нужно, но рассчитаться с ним ты мне поможешь.

– Я того...

– Не бойся. Убивать я тебя заставлять не буду, да и обида не из тех. Слушай меня внимательно. Сейчас иди домой и

живи, как ни в чем не бывало. На носу зима. Поповна попьет холодной воды, да и заболит. А когда сляжет – ты к попу пойдешь, скажешь, что можешь ее вылечить и попросишь за то дать ему в лоб три щелчка. Как согласится он – приходи на этот бережок и за веревку подержай. Я услышу.

Балда поглядел на веревку, а когда снова повернулся к старику, того уже не было. Почудился, что-ли? Или то леший был? Бабка сказывала, что не в каждой речке водяной хозяин. Есть и те, которые под лешим. Он решил подождать зимы.

Зимой сбылось по сказанному. В ноябре поповская дочь простыла, слегла, да так, что и до Рождества не думали, что доживет. Балда понял, что пришло время. Прибежал к попу и сказал, что сможет вылечить. Поп ему не поверил, но утешающий и за соломинку хватается. Согласился он. Лечи, хуже не будет. А когда дурак сказал, что за три щелбана в лоб поповский сделает – даже засмеялся, хотя было ему вовсе не смешно. Балда-дурак, что с него возьмешь?

Балда – бегом в лес. Веревка так и висела на дереве, одним концом на ветке, а второй врос в лед. Подошел он к ней, дернул три раза и смотрит в лед, как будто оттуда кто-то вылезти должен.

– Ну что, паря? Прибежал?

– Прибежал, дед. Давай свое снадобье, как обещал.

– Насчет щелчков с попом сговорился?

– Сговорился.

– Ну тогда держи! – и подает ему горшочек малый, пергаментом завязанный. – Мед это болотный, да не простой. Если здоровый его попробует – заболит, а если больной – на ноги поднимется. Девчонке – одну большую ложку на полный котелок воды намешай и давайте пить. Как выпьет все – поднимется на ноги. А теперь беги назад, да не оглядывайся. Оглянешься – ничего не получится.

Он давай оттуда ноги! Какое там “оглядываться”? Как заяц пролетел до деревни, еле дыхание перевел. Сразу к попу. “Вот он, зимний мед!”

Через три дня поповна на ноги поднялась. Пришел черед расплаты. Балда попу напомнил про щелчки, тот смеется. Говорит:

– Зачем? Возьми барана, или там козла за службу. Или денег дам тебе.

Но Балда уперся. “Хочу щелчки!” – да и только. Поп, чтобы не позориться, его в церкви после службы оставил.

– Щелкай, – говорит.

Ну Балда и дал щеблана! Аж колокол сверху звоном отозвался. У попа глаза в кучу сошлись, на лбу шишка выскочила, а парень ему уже второй раз собирается вдарить. Тут поп заорал:

– Не бей!

– Опять заболит, коли не расплатишься.

Что попу делать, куда деваться? Говорит он:

– Отдам за тебя дочь, только не бей!

Тогда Балда оставшиеся два раза ему легонько щелкнул.

Попова дочь, за него тоже пошла охотно. Вылечил ведь, значит талант знахаря открылся. Дело полезное. С тех пор в деревне его звали не иначе, как Емельяном и людей он болотным медом лечил от простуды и от кашля. Но сам как был дураком, так и остался. Дети у него, правда, умные были. В мать удались.

...

– Вот такая история... – Лесь снова раскурил свою трубку. – Мне ее водяной местный рассказал. Давно уже дело было.

– Но зачем он Балде помог?

– Как зачем? Попу отомстил. Чем-то тот водянику насолил, а у того память крепкая.

– Болотный мед... Вересковый мед... Но это ведь Пушкина сказка, “О попе и работнике его Балде”?

– Так и зеленый не мне первому ее рассказал.

Глава шестая

– Озеро...

– Да. Это Свитязь. Слышала?

– Нет.

Оно показалось Ирине почти идеально круглым и было совсем маленьким. До противоположного берега было не больше двух километров. Тишина была такая, что ей показалось, будто она оглохла. Вода была зеркалом, в котором отражались облака, упавшим на землю кусочком неба. Солнце садилось и облака были подсвечены красным светом заката.

– Говорят, что здесь сердце этой земли, – сказал Лесь, присев на лежавшее возле кострища бревнышко.

– В нем можно купаться?

– Конечно.

– А водяной там живет?

– Нет. Оно родниковое. В него не впадают реки, только вытекает одна. Нечисть не любит такие места. Купайся, если хочешь.

– Конечно хочу. Вся в пыли. Сколько мы шли?

– Километров десять примерно.

– Хорошо, что ты здесь все тропы знаешь.

– Хорошо... Поймай там парочку язей на ужин.

Ирина с изумлением посмотрела на него.

– Как я их поймаю? Ни удочки, ни сети.

– Тебе и не нужно. Приплывут – и выбросишь на берег.

– С чего это они ко мне поплывут?

Ответа не последовало. Ирина ушла за кусты, быстро разделась, потрогала ногой воду.

– Холодная!

– Я же сказал: оно родниковое. Но на мелководье солнце должно было воду прогреть.

– Ну ладно... А-а-а!

Она бултыхнулась в воду и рассмеялась. Та, после первого холодного ожога, показалась вдруг теплой, как молоко. Воды у берега было по пояс. По ноге вдруг что-то скользнуло. Ирина дернулась, сунула в воду руку и недоуменно посмотрела на дергающуюся в кулаке довольно крупную рыбу.

– Лесь, я и правда ее поймала!

– Так кидай сюда.

– Держи!

Рыбина улетела за кусты. Оттуда послышалось:

– Маловата. Еще штуки три таких надо.

– Зачем они ко мне плывут?

– Ты же есть хочешь? Вот и плывут.

Когда она оделась и вышла к стоянке, держа кеды в руках, на кострище уже весело потрескивал небольшой костерок и на рогатке над ним висел котелок с водой. Сев рядом с ним, она блаженно вытянула ноги. Спросила:

– Значит если я есть захочу, то ко мне рыба сама приплы-

вет?

Лесь усмехнулся и спросил в ответ:

– Ты сюда половину дороги босиком прошла. Хоть раз ноги наколола, или поранила?

– Нет...

Ирина подогнула ногу, осмотрела ступню.

– Даже кожа не загорела.

– Вот это и есть ответ. Пока ты на этой земле, ничто не причинит тебе вреда. Рыбы сами приплывут, зайцы сами прибегут, в лес зимой выйдешь и не замерзнешь. Но только если это тебе действительно нужно. Помнишь того зайца, которого жарили по дороге сюда из Москвы?

– Он тоже сам?

– Ты думала, я за ним по полю гонялся? Нельзя конечно сказать, что он этого хотел, но...

Она покачала головой.

– Сам прибежал... В голове не укладывается.

– А что такого? Человеку и ангелы служат, что уж о зверях говорить? Прикажешь – и придут. Тебе даже и приказывать не нужно было, рыба сама приплыла. Но если сейчас попробуешь еще хоть одну поймать – не получится.

– Почему?

– Потому, что тебе больше не нужно и ты сама это знаешь.

Он посмотрел на огонь и улыбнулся, будто что-то вспомнил.

– Когда ты так глядишь, это значит, что что-нибудь рас-

скажешь.

Он кивнул головой.

– Жил здесь неподалеку один жадный пан. Он небогатый был, из той шляхты, что сама землю пашет, потому что земля у нее – кот наплакал. Но гонору у него было – хоть отбавляй, а уж жаден... словами не описать. И решил он нанять батрака. Нанял, пообещал зерна с урожая, одну меру из пяти. Это было щедро, потому что и сам пан на той же земле работал, и жена его, и дети. Работающий пан был, неглупый, только очень жадный. А когда после жатвы настало время с батраком расплачиваться, пан ему и говорит:

“Ты у меня работал?”

“Работал”.

“Все, что я говорил, выполнял?”

“Все выполнял”.

“Признаю это. Выполни и еще одно. Сходи на осеннюю ярмарку в соседние Сорочинцы, да принеси оттуда мне “Ой!” и “Ай!” Понял ли?”

Ничего не понял батрак, но на ярмарку пошел и у всех там спрашивал, есть ли у кого охи и ахи. Этого добра у всех хватало, но как его с собой унести? Так ничего он и не добыл. Что делать? Сел он тогда у дороги и горько плачет. А на ту беду мимо шел колдун деревенский. Спросил: “Чего ревешь?”

Батрак ему рассказал, как дело было. Колдун посмеялся и говорит: “Обманул тебя пан. Но я знаю, что делать. По-

шли...”

Вместе зашли они в лес. Там колдун подманил ежика колючего, сунул в мешок, завязал и отдал батраку. “Иди, отдай пану!”

Батрак пришел и отдает хозяину мешок. Тот руку внутрь сунул, на ежиные иголки наткнулся и кричит: “Ай-ай-ай!” Батрак ему: “Видишь, сколько их там много! Ты поглубже сунь руку-то, поглубже! Там и “Ой!” сыщется.” И пришлось пану отдать батраку заработанное.

Ирина рассмеялась.

– Сам себя, значит, перехитрил.

– Так оно всегда и бывает. Если жадность и хитрость человека оседлали, то будут на нем ездить, пока не загонят до смерти. Нельзя им этого позволять. Пан один заболел как-то раз. Позвал знахаря. Тот ему говорит: “Простудился ты, надо больше кушать, тогда на поправку пойдешь”. Но тот пан был скупым, скупее некуда и всегда питался впроголодь, как и его семья. Кушать вволю не стал, так и помер. Зато деньги сберег. Ни земля таких не любит, ни вода.

Ирина приподнялась и заглянула за кусты.

– Лесь, там лодка плывет.

– Я давно уже слышу.

– К нам?

– Конечно. Кто-то видел, как ты купаешься.

– Ой!

Ирина прижала ладонь к губам.

– Вот тебе и “Ой!” Там еще и “Ай!” есть. Не забыла?

– Неудобно как...

– Неудобно – это когда соседские дети на тебя похожи. Все остальное – мелкие неприятности. Ну да ничего... Я знаю, кто это плывет. Ему твои прелести без надобности. Ему другое надо.

Лодка с тихим шорохом ткнулась в берег. Слышно было, как пассажир кряхтя выбирается из нее и, шумно топая ногами, идет в обход кустов к ним.

– Что, Микола, почуял, что уху без тебя готовят? – громко спросил Лесь.

Из-за кустов охнули и к стоянке вышел пожилой мужик, одетый в свитер, зеленые брюки и резиновые сапоги.

– Лесь, ну ты хоть бы предупредил! – сказал он. – Есть же телефон в санатории. Мог бы и позвонить, что зайдешь.

– Я бы так и так завтра зашел, – ответил тот, помешивая варящуюся в котелке рыбу.

– Завтра... Друг, называется! Засел там у себя, как медведь в берлоге.

Пришедший уселся рядом с ними напротив костра и сказал, обращаясь к Ирине:

– Вот не поверишь, но мы с ним полвойны вместе прошли, а он теперь и носа не кажет. Как это называется?

– Чего людей зря тревожить? – Лесь улыбался. – Я и так знаю, что у тебя все в порядке.

– Еще бы тебе не знать... Это кто с тобой?

Старик кивнул на Ирину.

– Практикантка из Москвы, в наше лесничество.

– Красивая. А я сторож местный. Смотрю: дымок поднимается. Думал, опять туристы, да как бы лес не попалили. Как звать-то?

– Ирина.

– Вот, Ирина... В этих местах мы все леса и болота на пузе исползали с сорок первого по сорок четвертый.

– Да, – подтвердил Лесь. – И не надо думать, что здесь все вокруг были друзьями. Друзей как раз было очень мало. Восточнее – там да: партизанское движение было, а здесь крестьян запугали. Здесь ведь до тридцать девятого года была польская территория. Поляки советских не любили. Еще неизвестно, что лучше было: на немцев напороться, или на Армию Крайову. Нам везло, они на нас напарывались, а не мы на них. И так три года.

– Из тех, кто в сорок первом начинал, осталось три человека. Я, Лесь и еще один мужик. Он в позапрошлый год умер. Сколько тут крови пролито, девка... Если всю собрать, так наверное на это озеро с лихвой хватит. Лесь, поплыли ко мне? Сейчас никого почти нет в санатории. Три человека всего живет.

– А уха?

– Бери с собой. У тебя здесь ни перца нет, ни листа лаврового. Там, у меня и сварим. Поплыли, а?

– Уговорил...

Они погрузились в плоскодонку и сторож короткими взмахами весел погнал ее на другой берег, к видневшейся у воды деревянной пристани.

Глава седьмая

– ...ну и нашли его потом знаешь где? Ни за что не догадаешься. Было в лесу дерево, которое громом расщепило, а оно потом снова сросло. Посередине ствола получилось сквозное дупло. И вот туда-то леший мужика и засунул, да так, что ни вперед ему, ни назад. Висит там, орет! Деревенские прибежали и стали думать, как его вызволить. Решили вырубить стенку у дупла. Сбегали за топорами, лестницу принесли, начали махать, а дерево-то и не рубится вовсе. Искры летят, как от железа. Наконец догадался кто-то сбегать в деревенскую церкву и принести святой воды. Окропили ею березу – мужик и выпал сразу. Вывалился, да как побежит! Только у самой деревни его догнали. С тех пор он позабыл, как в лесу ругаться.

После второй выпитой ими бутылки сторож разговорился. Рассказывал истории одну страшнее другой про козни нечистой силы. Двое сидевших вместе с ними у костра отдыхающих, семья, приехавшая из Минска, слушали открыв рты. Уха была давно съедена. В костре пеклась картошка.

Ирине и в институте нравились такие посиделки на природе. Выезды на практику в Подмосковье у них в лесохозяйственном были обычным делом в силу специфики обучения. Они оставались в лесу на выходные, спали в палатках, или

располагались на туристических базах. Тоже брали с собой картошку, иногда мясо, или рыбу. Обязательно – гречку и тушенку. Жгли костер, пели песни под гитару и никто не задумывался о том, что лес полон иной, невидимой для них жизнью.

– ...или вот еще жил тут неподалеку до войны кузнец. Матерщинник был – просто страх. В кузне когда работал, слова приличного не говорил, а пуще всего чертей любил поминать матом. Черти и сговорились ему отомстить. Притворился один чертяка молодым парнем, пришел в кузню и попросился в подмастерья. Кузнец его взял. На следующий день приходит туда же второй черт, уже в виде дряхлого старика и говорит: “Кузнец, перекуй меня на молодого!” Кузнец посмеялся только, но тут “подмастерье” ему сказал, что знает старый заговор про это и что можно попробовать. Начал он заговор читать, а “старик” полез в горн и вылез оттуда молодым. У кузнеца глаза на лоб вылезли. Побежал он домой, притащил свою жену старую и говорит “подмастерью”: “Читай заговор!” Тот опять начал читать и кузнец бабу свою кинул в горн. Она и сгорела.

– Ужас какой! – произнесла молодая женщина, сидевшая напротив Ирины и поднялась. – Пойду, проверю, как там Даша. Ей с утра нездоровится.

– Конечно ужас! – сторож усмехнулся. – А вот не ругайся где ни попадя. Нечисть этого дела шибко не любит и всегда отплатить старается.

“Нездоровится?” Ирина поглядела на Леся. Тот внимательно смотрел вслед ушедшей женщине и лицо у него было встревоженным. В костре громко треснуло сухое полено. Полетели искры. Лесь поднялся и пошел в темноту. Ирина последовала его примеру.

– Что? – тихо спросила она.

– Не понимаю... – так же тихо прошептал он. – Вроде и некому здесь пакостить...

– Объясни.

– Порча на ней. Неправильная какая-то. Непонятная, как будто с подбора. Но ведь некому... С города привезли, что-ли? Идем, посмотрим.

Они быстрым шагом пересекли поляну и Лесь потянул на себя дверь домика. Стоявшая у кровати женщина обернулась.

– Что с нею? – спросил он.

– Не знаю. Без сознания. Температура и дышит тяжело. Еще днем все в порядке было. Кошмар! Как-то до утра дотянуть и в Минск, в поликлинику...

Лесь тем временем, не обращая особого внимания на больную, осматривал комнату. Обошел ее, внимательно глядя на пол и заглядывая под кровати. Взглянул даже на потолок и пожал плечами.

– Не понимаю.

– Холодно... – сказала Ирина.

– Точно! Холодно... Сильный кто-то сделал, раз даже ты

почувствовала. но зачем!?! И со мной связываться, считай у меня же дома... Откуда холод идет? Присмотрись.

– С полки. Вон с той.

– Ах ты!.. Теперь вижу. Вот оно что!

Он выглянул в открытую дверь и позвал:

– Микола!!

– Что? – донеслось снаружи.

– Я знаю, что у тебя сеть рыбацья есть. Волоки сюда.

– Зачем?

– Надо. Неси бегом, кому сказал!?! А ты... – он повернулся к Ирине – приготовься.

– К чему?

– К тому! Посмотри на полку. Что видишь?

Ирина подошла к источнику холода. На полке лежала книга. Стругацкие, “Понедельник начинается в субботу”.

– Книгу.

– Еще что?

– Лист сухой. Карандаш. Пуля.

Пуля выглядела очень старой. Вся черная от времени, с еле различимыми полосами нарезов. Ирина протянула к ней руку и сразу отдернула ее. Пальцы обожгло прямо таки арктическим холодом, как будто к куску сухого льда прикоснулась.

– Не трогай!

Лицо у него стало злым.

– Это оно?

– Да. Нужно в костер бросить. Взять ее сейчас в руки – это смерть.

– Может быть, вместе с полкой?

– Не получится. Нельзя ее трогать. А не трогать – девчонка двух часов не протянет. Интересно, где они ее нашли?

– Пулю? – мать девочки недоумевающе глядела на Леся. – Вчера, на дне озера, когда рыбачили. Блесна зацепилась и на дне ее подобрали.

Лесь покачал головой.

– Лучше бы вы там на гадюку наткнулись, или на крокодила... Где там Микола?

Сторож вошел, легок на помине, держа в руках старую сеть.

– Ну вот. Зачем она?

– Выйди! И этого мужика прихвати, нечего ему тут. Ирина, раздевайся.

– Зачем?

– Затем! Еще одна любительница вопросов... Снимай одежду, говорю. Всю.

Ирина торопливо стянула с себя спортивный костюм, в который была одета, потом трусики. Лесь набросил на нее сеть и, не обращая внимания на отвалившуюся челюсть дащиной матери, начал обматывать ее сетью.

– Готово. Теперь запоминай: берешь пулю, выскакиваешь из домика, бежишь к костру и кидаешь ее туда. Все делаешь быстро. Поняла?

– Поняла. Беру и в костер.

– Да... Делай!

На этот раз холод был вполне терпим. Она схватила с полки кусочек металла, который показался ей гораздо тяжелее, чем выглядел с виду и кинулась в двери, успев заметить, что узлы на сети стремительно развязываются и та превращается в простую зеленую нить, падающую на пол. Чуть не сбила с ног заглядывающего в дверь сторожа, подбежала к костру, сунула руку в пламя и разжала пальцы.

Огонь взметнулся вверх, окрасившись оттенками синего и зеленого. В темное небо полетели искры. Ее отбросило и она больно ударилась копчиком.

– Сеть туда же!

Ирина торопливо стянула с себя наполовину уже распустившуюся сетку и швырнула ее в костер. На этот раз искр не было, пламя выглядело почти нормальным, если не считать маленького темного пятна внутри на углях. По тянувшейся в домик нитке пробежал маленький огонек.

– Все... На, держи.

Лесь протягивал ей ее одежду.

...

– Узел – это, как бы сказать, замок. Можно ветер им завязать, чтобы не дул, или удачу у человека. Но одновременно это и оберег, от той же самой порчи. Пока вся сеть не

распустится, она до человека не дойдет, а распустить все узлы – времени много нужно и человек понять успеет: что-то неладно. Микола сам ее вязал, руками. Повезло нам. Но тут конечно силы в проклятье вложено было изрядно. Сколько пуля на дне лежала? И все равно силу сохранила. На полк бы хватило. Попади такая в танк – и он остановится. Ты запомнила свои ощущения?

– Да.

– Вот и не забывай. Мало ли, где и с чем столкнуться придется?

– Лесь, а кто это сделал?

– Пулю проклял?

– Да.

– Видишь, какое дело... это я сам и сделал. В войну я для своих винтовки заговаривал, патроны, гранаты, но со своим знанием еще только осваивался, вот и не рассчитал. А главное: все время боялся, что кто-то сильнее меня явится от немцев по мою душу, поэтому пули эти как раз на знающих и заговорил. Мне ее в руки брать никак нельзя было. Обычного человека она бы долго убивала, а меня – мгновенно. От себя самого нет защиты. И оставить ее, как есть, тоже было нельзя. Вот так вот...

Лесь, ссутулившись, смотрел в костер и о чем-то думал. Потом сказал:

– Ты иди в домик, отдыхай. Не беспокойся ни о чем. Эти люди к утру все забудут, а Микола и сам знает, о чем болтать

не след.

Глава восьмая

– Слышишь?

Лесь, всегда просыпавшийся на рассвете, поднял голову и посмотрел в окно. Над озером висела густая пелена тумана.

– Что? – спросила Ирина, высунувшись из под шерстяного одеяла.

– Ворон прокричал. Трижды.

– Что это значит?

– Это значит: к покойнику.

– А если бы цапля кричала?

– Цапля пусть себе кричит, сколько хочет. А вот ворон...

Схожу, проверю, как там эта девочка. Все ли в порядке?

Ирина снова закуталась в одеяло, но сон уже пропал. Она поворочалась с боку на бок. Заснуть не удавалось. Тогда она села на койке и вдруг с удивлением увидела на пороге большую черную птицу. Та повернула голову и вперилась в нее немигающим взглядом.

– А ты еще кто?

Птица в ответ раскрыла крылья и вдруг на ее месте появился сидящий на корточках человек в черной одежде. Это произошло так неожиданно, что Ирина попросту остолбенела от удивления. Человек между тем медленно выпрямился, устало оперся о косяк и спросил:

– Лесник здесь?

– Что? Кто?

– Не бойся так. Я спросил: здесь ли Лесник?

– К-какой еще?.. – она не поняла сразу, о ком речь.

– Я здесь! – послышалось сзади. – Что тебе нужно?

Человек обернулся.

– Не мне. Норманн прислал сказать, что его срок пришел.

Он зовет тебя.

– Я понял. Передай, что приду. Кого он еще зовет?

– Татарку. Я сейчас к ней.

Человек снова присел на корточки. Мгновение – и на его месте снова была черная птица. Ворон разбежался, захлопал крыльями и полетел сквозь туман, набирая скорость. Лесь проводил его взглядом и сказал негромко:

– Значит Норманн...

– Кто это был? – спросила Ирина.

– Ученик его.

– Что это значит?

– Как что? Ты же слышала: срок пришел. Умирает Норманн. И это плохо, потому что для него настоящего наследника нет. Наследник учителя – его ученик, но этот, которого ты видела, слаб. Сгорит он.

– Как же “слаб”? Он только что на моих глазах птицей стал.

– Ну и что? – Лесь пожал плечами. – Подумаешь, талант к оборотничеству! Такое многие умеют, да только зачем оно

нужно? Девочек пугать, разве что. Нет, он конечно тоже не слаб, но знания Норманна он не поднимет, уж это я вижу точно. Плохо... Ладно, пойду к Миколу. У него там в конторе телефон есть, позвоню в совхоз. Вызову Ивана на его "Ниве". Не самим же ногами топать.

– А если...

– Воронами? Даже не думай. Сложно не обернуться, а разум при этом сохранить. Ты этого не сможешь. Мне сова, или тетерев в учениках не нужны.

...

– Норманн – самый старый из местных учителей. Рассказывали вам в школе про Рюрика?

– Это он что-ли???

– Нет. Но пришел он с ним.

– Тысяча лет!

– Больше. Как бы не две. Он, говорили, уже тогда был не молод. Все здесь обошел, а устроился на севере, в Новгороде. Ты думаешь, почему татары в свое время на Новгород и Смоленск не пошли?

– Из-за него?

– Да. С Татаркой у них старые счеты. Наверное рассчитаться и хочет перед смертью. Только учти: это для него она Татарка, а для меня и тем более для тебя – Княжна. Нас она старше настолько же, насколько Норманн старше ее и кня-

жеский титул у нее самый настоящий.

– Они что, драться будут?

Лесь изумленно посмотрел на нее.

– Нет. С чего ты взяла? Чтобы сила не пропала, рядом должны быть знающие – вот это ему и нужно. А вот почему он именно нас с нею выбрал? Ее – понятно, она тоже с войной привыкла дело иметь. Они с нею схожи. Но меня?.. Я его и видел-то два раза всего. Один раз в сорок четвертом, в Минске, а второй уже после войны.

– Может быть, не ездить? Что, если это ловушка?

Он покачал головой.

– Нельзя. В такой просьбе не отказывают. И ловушкой это никак быть не может. Источник силы – земля. Хочешь где-то силу набрать – нужно туда и идти. А если знающего куда-то заманить и убить, то она рассыплется там, где он жил. Видимо все-таки Норманн тоже понимает, что ученик его не из лучших, а я молодой – вот и хочет со мной поделиться, а не с Шаманом, или Хозяйкой. Да что гадать? На месте все и узнаем от него самого.

Пока они ждали машину, Ирина сорвала и связала в букетик несколько веточек цветущего бессмертника и полыни, чтобы перебить запах бензина в дороге.

...

Ирина представляла себе какую-то Бабу-Ягу, или Пико-

вую Даму, как у Пушкина, но Татарка-Княжна оказалась совсем не страшной. Не старая еще женщина, с виду где-то между тридцатью и сорока, с черными, длинными, без единой белой нити, волосами. Лицо отнюдь не азиатское, глаза тоже не раскосые. На улице встретишь – от русской не отличишь. Самое обычное синее платье, самая обычная “шестерка”, за рулем которой она и сидела.

Княжна приглашающе махнула рукой. Лесь вышел из “Нивы”, подошел к ней, сел на переднее сидение “шестерки”. Они несколько минут о чем-то разговаривали. Видно было, как Татарка рассмеялась, Лесь высунулся и тоже махнул рукой Ирине: “Давай к нам!” Она подхватила свой рюкзачок, под клапан которого был засунут букет из бессмертника, подошла, села на заднее сидение.

Женщина спросила:

– Что, уже сама оберег может сделать?

– Да какое там?.. – отмахнулся Лесь. – Баловство одно пока.

– Какой оберег? – не поняла Ирина.

– Как какой? Вон там, у тебя на рюкзаке, что?

– Где? А, это! Цветы. Чтобы в машине запах гари перебить.

Татарка посмотрела на Леся. Тот улыбнулся и оба рассмеялись.

– Сама сделала, сама заговорила, сама не знает, что получилось.

– Зачем учить, если сама учится? – спросил Лесь, тоже улыбаясь.

Ирина скептически посмотрела на свой букетик. Оберег? Ну так-то да: она же и сделала его затем, чтобы вонь в машине не чувствовалась. Значит беречь. И что, вот это и есть волшебство? Вот так буднично?

– Не удивляйся, – сказал Лесь. – Когда человек хоть что-нибудь знает, умеет, и делает, как может, у него обязательно что-то получится. Не всегда то, что он хотел, но получится. А если талант есть, то получится, даже если не знает. В любом деле так.

“Шестерка” тронулась с места, не торопясь поехала по ленинградским улицам. Город проплывал мимо, словно громадный, старый корабль. В Москве у Ирины никогда не было такого ощущения. “Нива” Ивана держалась сзади, как привязанная.

– Плохой город, – сказала Княжна тихо.

Лесь молча кивнул. Спросил:

– Я закурю?

– Кури. Мне оставь. Тяжело здесь. Силен хозяин, очень силен.

По машине поплыл приятный мятный запах. Лесь отдал свою трубку Княжне, та затянулась и спросила:

– Как с твоим кашлем? Держишься?

– Держусь пока. Если из дома надолго не уезжать, то терпимо.

– Не поддавайся. Кто лечить станет, если ты под гору пойдешь?

– А вот она! – Лесь посмотрел на Ирину в зеркало.

– С ней тебе повезло, но она еще не скоро в силу войдет.

– Я тоже долго осваивался, хотя сила мне сразу досталась.

– Вещи заморачивать лучше тебя никогда и никто не умел.

– Вещи портить много ума не надо.

– Не прибедняйся. У меня до сих пор в наградном пистолете твоя обойма. Вынуть ее лишний раз боюсь.

– Я и не прибедняюсь. Третьего дня как раз напоролись на один из моих старых сюрпризов. Ладно, хоть не погиб никто, вовремя спохватились. Долго еще ехать?

– Рядом уже. Смотри-ка!

– Да... Налетело стервятников.

Вдоль всей улицы, на которую они свернули, стояли машины. Частью пустые, но в большинстве из них сидело по одному, или по два человека.

– Зачем они здесь? – тихо спросила Ирина.

– А как обычно! Мелочь всякая кусочек оторвать пытается, – злым голосом отозвалась Княжна. – Чувствуют, что смерть рядом, вот и собрались. Если что-то упадет, они подхватят. Но рановато они слетелись.

– Разве вы не можете их выгнать?

– Нет смысла, – сказал Лесь. – Много званых, да мало избранных, а этих и не звал никто. Пусть себе ждут неизвестно чего.

Они вышли из машины, прошли немного по набережной, по направлению к синим куполам Троицкого собора, потом свернули. С уличной скамейки навстречу им поднялся ученик Норманна. Кивнул, повернулся, пошел впереди, к неприметной серой двери. Та открылась перед ними. Короткая лестница... Еще одна дверь без всяких украшений...

– Они пришли, – сказал их проводник.

– Знаю.

Голос звучал негромко, но Ирине показалось, что от него вздрогнули стекла в рамах.

– Здравствуй, Старый Медведь, – сказала Княжна, первой входя в большую комнату.

– Давно уже не медведь, – отозвался сидевший в большом кресле, лицом к окну. – Не берсерк, все в прошлом. Ты это знаешь, Татарка.

– Княжна.

– Ваши князья для меня не старше молодой травы.

Ирина не видела его лица, только копну седых волос, да большую руку на подлокотнике.

– Хорошо, что вы пришли. И хорошо, что успели. Подходите, не бойтесь.

Они подошли, обступив кресло. Норманн медленно поднял голову, посмотрел прямо на нее. Сказал:

– Единственная дочь в семье, некрещеная, талант есть, да еще и девственница. И ты встретил ее совсем молодым. Раз в жизни такое бывает... Ты хоть сам понимаешь, как тебе

повезло, Лесник?

– Понимаю.

– У Рагнара когда-то была такая же золотая ель. Ее имя было: Аслауг. Я видел, как она вышла к нему, одетая в сеть. Но он был глупцом. Растратил силу на ерунду и умер, так и не поняв, где ошибся. Ты знаешь, что такое “викинг”, девочка?

Он обращался к ней. Ирина ответила:

– Знаю.

– Не знаешь. “Викинг” – это поход по морю. За славой, за добычей, иногда торговый. Когда-то очень давно я ушел в свой последний викинг за Хрореком и не вернулся. Эта земля имеет странное свойство делать своими детьми тех, кто сюда приходит. Вот она, – вздохнув, он кивнул Княжне, – хороший пример. Пришла и осталась. Все, кто был тогда со мной, давно вернулись. Пора и мне.

Лесь провел рукой перед его лицом.

– Можно отсрочить немного, если хочешь.

– Не хочу. Свой конец оттягивай, а для меня два дня ничего не решат и ничего не изменят. Для него и для вас тоже. Так чего ждать? К тому же я очень устал.

Норманн посмотрел на своего ученика.

– Знаю, что скажете. Да, он слаб. Нужно было отказаться, но тут уже я проявил слабость. Не хотелось одному уходить. И все-таки был и есть шанс, что он примет наследство и останется жить. Теперь слушайте меня внимательно...

Он впился взглядом в Леся.

– Лесник, я видел во сне бесцветное пламя, пожирающее леса и убивающее все живое. Мертвый лес, но в то же время живой. Желтая хвоя и желтые листья. Человеческие смерти. Мертвые города. Мне было страшно. Что это значит, я не понял, раньше никогда с таким не сталкивался. Разбираться придется тебе.

Синие глаза уперлись в Княжну.

– Татарка... Часть того, что мы взяли во время последней войны, вернется на свое место после моей смерти. Рейху не долго быть разделенным. Германцы поднимутся вновь. На этой земле многое изменится и от тебя зависит, что будет дальше. Все ли вы поняли? Теперь ты! Давай руку.

Только сейчас она обратила внимание на стоящий у кресла меч. Не очень длинный, обоюдоострый, из тускло-серой стали, с простой крестовидной рукоятью и тяжелым оголовком. Правая рука Норманна легла на рукоять меча, а левую он протянул к ученику. Тот сделал шаг вперед.

За окнами старой ленинградской квартиры потемнело. На город обрушился сумрак и лишь купола хорошо видимого отсюда Троицкого собора все так же светились бирюзой на фоне неба. Прогремел раскат грома. Ирина видела, как под невидимым грузом ученик упал на одно колено, попробовал выпрямиться, но не смог. Княжна подхватила его под плечо, но было видно, что и ей не под силу его удержать.

– Где же ты, Одноглазый? – прохрипел старик. – Так и

знал, что скальды все врут...

Княжна тоже рухнула на колени под невидимым грузом. “Им бы талисман, защиту какую-нибудь!” – подумала Ирина. – “Да ведь у меня же он есть!” И, не долго думая, она бросила ученику свой рюкзак с букетом из бессмертника и полыни. Тот вытянул левую руку и подхватил его. Гром ударил так, что казалось: дом сейчас провалится в ад, а за ним и весь город.

Она пришла в себя, лежа на полу. Перед лицом торчали длинные ворсинки мягкого ковра. Встать не хотелось. Ирина спросила сама у себя:

– Все кончилось?

– Да, – ответили сзади.

“Знакомый голос...”

– А как там Ворон?

В ответ рассмеялись сразу два голоса.

– Слышишь? Вот тебя и окрестили. Теперь никуда не денешься.

– Хорошее имя. Ты-то как?

– Сейчас вспомню, как встать.

Снова смех. Да это же Лесь и Татарка угорают. Смешно им, значит и правда все хорошо. Чего-ж так болит-то все? И почему-то пахнет кровью и дымом пожара.

...

Вчетвером они перенесли тело на деревянный баркас и опустили носилки между скамеек. Потом выбрались обратно на причал. Ворон остался, отвязал швартовочный канат, поднял парус. Когда баркас медленно тронулся и поплыл к центру озера, он подпрыгнул в воздух, мгновенно обернувшись птицей, чье имя теперь носил и несколькими взмахами крыльев оказался на причале, рядом с ними. Требовательно каркнул.

Княжна расстегнула молнию на большой сумке, вынула из нее короткий лук с натянутой тетивой. Короткий скрип... Лесь поднес свою зажигалку к намотанной на наконечник стрелы веревке. Выстрел. Огненная черта в темноте. Парус охватило пламя и быстро побежало вниз, к заполнявшим баркас дровам. Старый викинг отправился в свой последний поход.

Сумрак между ними и горящей лодкой вдруг сгустился в призрак дракара. Скалила зубы драконья голова на форштевне, медленно поднимались и опускались весла, за укрепленными на бортах щитами мелькали головы гребцов. С корабля раздался громкий рев боевого рога и все исчезло, только пылал вдалеке огонь, отражаясь в озерной воде.

– Лесник, ты помнишь, о чем он говорил? – спросила Княжна.

– Конечно.

– Я погощу у тебя немного. Надо подумать, что там за огонь такой бесцветный. Ты как, не против?

– Не против.

– Тогда сейчас и поехали. Чего время зря терять?

Она ловко зажала лук под коленом и сняла с него тетиву.

Глава девятая

“Все-таки у нее есть что-то азиатское в глазах” – подумала Ирина. – “Уголки немножко раскосые. Без макияжа это сразу видно. А фигура!”

Они сидели в бане, стоявшей на сторожке Леся. Княжна, блаженно закрыв глаза и привалившись к стене, дышала ароматным травяным паром. Свою черную гриву она заплела в косу, причем завязывать ее не стала. Волосы как-то держались сами.

Интересно, что когда “шестерка” княжны затормозила у забора, баня уже была протоплена, в ней стояла вода, кувшин с квасом (холодным!) а пол был застелен свежей соломой.

– Нечисть местная постаралась, – не открывая глаз сказала Княжна.

– Что?

– Баню нам приготовили и прибрались везде.

“Она тоже мысли читает, что-ли?”

– Это не трудно, если мысль всего одна.

Княжна наконец открыла глаза и улыбнулась.

– Ты сейчас на простыни поглядела, потом на солому. Ясно, о чем подумала: “Откуда взялось?” А это Леся своим жильцам дал знать, что гость приезжает, вот они и расстарались. Они умеют, когда хотят.

– Боятся Вас?

– Тебя.

– Меня!?

– Нет, меня. Говори мне “ты”.

– А почему тебя боятся?

Княжна с улыбкой посмотрела на нее.

– Шутишь? Они хорошо помнят то, что семьсот лет назад творилось. В этих местах тумены не проходили. Тут нечего взять было. Нищие поселки, да городища, а северные торговые пути до Смоленска Норманн отстоял. Зато южнее – там все горело, от горизонта до горизонта. То, что люди забудут, нечисть будет помнить вечно.

Она посмотрела на полок и сказала:

– Эй, хозяин местный! Хороший квас у тебя.

– Рад послужить, – глухо донеслось из-за стенки. – Может быть, пирожков попробуете?

– С лягушками?

– Обижаете! Яички перепелиные, лучок полевой. А домовой вам там чай приготовил.

– Хорошо, попробуем. Видишь, Рыжая, боятся – значит уважают. Так и надо. Не будут бояться – на шею сядут. Ну что, пойдём? Оценим местный чай, сравним с китайским.

Она ловким, пружинистым движением поднялась, прихватив со столика кувшин с квасом и, не затрудняя себя одеванием, толкнула дверь. Ирина все-таки решила, что для нее это слишком и обмоталась простыней.

– Хорошо тут у вас... А ты еще что за чудо!?

Посреди двора сидел и глядел на них Серко. Княжна щелкнула пальцами свободной руки. Волк-оборотень вдруг взвизгнул, припал к земле и метнулся к забору так быстро, что с разгона ударился об него. Скрылся в высокой траве и там залег.

– Что с ним?

– Ничего особенного. Слепым часик походит – потом думать будет, когда надо глаза пялить, а когда и спрятаться подалее.

– Он хороший.

– Все они хорошие, пока сытые. Этот хотя бы обычным человеком раньше был, а бывает всякое.

Они вошли в дом. Стол был накрыт. Ароматно дымился котелок с чем-то, судя по запаху, очень вкусным. Горкой лежали на большом деревянном блюде булочки и пирожки. Отдельно стоял горячий чайник.

– Не удивляйся, Рыжая. Это мужикам все равно, как ходить, а мне и тебе одежда только мешает. Да и сама подумай: кого мне здесь стесняться? Людей в округе нет. Леся после шабаша этим не смутить, да и видит он через одежду насквозь. Он же знахарь. Нечисть смотрит – да и наплевать. Ведьмы мы с тобой, или нет?

– Ой, да какая из меня ведьма?

– Самая обычная. Если уж есть к этому способности, то куда денешься? А тебе еще и к Леснику в ученицы повезло

попасть, хотя ему конечно с тобой повезло еще больше. Что тут у нас? Картошка... А на мясо кто пошел? Надеюсь, не ежик?

– Заяц, – слышалось откуда-то из-за печки.

– Да шучу я! Пахнет вкусно...

Она поднялась, вышла из избышки и через минуту вернулась с бутылкой “Столичной”.

– Полгода уже в машине лежит. Пригодилась. Ну что, помянем Норманна и пожелаем удачи ученику его.

Ирина выпила и налегла на картошку с зайчатинной. За всеми делами как-то и забылось, что она не ела почти двое суток. По телу побежали струйки тепла, выступил пот. Простыня на теле промокла. Княжна первая расправилась со своей порцией, положила добавки, съела ее тоже и наконец откинулась на спинку с полным стаканом настоя в руке.

– Наелась так, что сейчас лопну. Хорошо тут у вас. Надо на подольше остаться.

Тут она покосилась на печь и усмехнулась.

– Что? – спросила Ирина.

– Да так... Домовик сейчас подумал: “Спаси и сохрани!” Эй! Подумал ведь?

– Не так, – донеслось глухо.

– Не бойтесь. Норманн, когда умирал, рассказал об огне бесцветном и о мертвом лесе, который в то же время живой. Слышали когда-нибудь о таком?

– Нет, не слышали, – ответили из-за печки. – Лесник уже

спрашивал. Не знаем мы.

– Плохо, что не знаете... Рыжая, пойдем загорать!

– А купальник? Вдруг кто-то пойдет мимо?

– Смотри!

Княжна поднялась. На ней неизвестно откуда оказался зеленый закрытый купальник с длинными вырезами на бедрах и на спине. Наверняка импортный.

– Нравится?

– Еще бы! А погляди на себя.

– Ух ты!

На Ирине теперь был такой же, только синего цвета с красными вставками.

– Это иллюзия, но если в нем в святой воде не купаться, то продержится долго. Ну что, идешь загорать? Потом еще разок в бане погреться можно будет.

Ирина кивнула. Они вышли и расположились на пяточке мягкой травы у сарая. Она почти сразу задремала и проснулась, услышав разговор рядом. Повернула голову, убрала с глаз мешающую прядь. Ага! Да это же тот самый парень, который не так давно вместе с нею принимал роды. Как его? Петр, кажется. Чего это он прибежал? Но если и по делу, то об этом деле он уже забыл напрочь. Стоит, о чем-то разговаривает с лежащей на боку Княжной и лыбится во все тридцать два зуба, да еще и пялится на вырез купальника довольно-таки откровенно. А ей это, кажется, нравится...

Княжна обернулась.

– Ирина, ты когда успела прославиться? Тебя тут уже роды принимать зовут.

– Меня!?

– Ну не меня же. Конечно тебя.

– Что, срочно? Где она?

– Не беспокойтесь пожалуйста! – заторопился Петруха. – Завтра срок врачи определили. А в роддом она ехать не хочет. Боится, дура.

– Кто “она”?

– Сеструха моя. Мать сюда и послала.

– Впрочем не важно. Схожу, поговорю с ней.

Она поднялась и пошла к дому.

– Особо не отговаривай, – сказала княжна ей в спину. – Хочет дома – пусть дома. Здесь и стены помогут.

И она снова повернулась к Петрухе.

Ночью Ирина проснулась от звуков тихого смеха во дворе. Она выглянула в приоткрытую дверь. В свете луны в сарайчике лежали на сене два тела. Вот, значит, о чем они там с Петькой говорили...

...

Роды на следующий день прошли легко и буднично. Она приняла ребенка, Княжна ловко перевязала и перерезала пуповину. Сказала матери:

– Держи богатыря.

Та благодарно улыбнулась.

Потом, когда они шли в сторожку, Ирина сказала:

– Петька теперь сохнуть о тебе будет.

– Не будет. Ему в этом году в армию, там будет не до того.

– Все равно это как-то...

– Что не так, Рыжая? – Княжна замедлила шаг и посмотрела на нее. – Ты что, не заметила, как его сестра сегодня легко родила? Без мук, без криков, почти без боли. Думаешь, это это просто так произошло? Ночью я у ее брата его мужскую силу забрала до весны. Хватило и боль облегчить, и ребенка сберечь, да и Петру заговор на войну сделать. В Афганистан он не поедет, но не помешает. А то, что его не спросила, так он бы и сам не отказался.

Ирина смотрела на нее широко открытыми глазами, не зная, что сказать. а Княжна уже шла дальше по тропинке.

– Ничего не берется из ничего, Рыжая. Запомни это. То, что ты кому-то отдашь, ты должна у кого-то взять, иначе отдашь свое и окажешься в могиле быстрее, чем успеешь глазом моргнуть. Леснику проще. У него за спиной – весь этот лес, родники, реки, звери, нечисть. Огромная сила и власть. Бери сколько хочешь, меньше не станет. Когда-нибудь и у тебя это все будет. Но если ты, на чужой земле, в городе, среди людей – только так, как я сегодня. Мы ведьмы, Рыжая. Этим все сказано.

– Берешь у одного, отдаешь другому?

– Да. Вот только часто так получается, что берешь ненуж-

ное, а отдаешь самое дорогое. Можно конечно все себе оставлять, но это тоже путь в могилу. Человека разорвет, как паука, если только брать. Так и идет: в одну сторону наклонись – смерть, в другую – тоже смерть. И чем ты сильнее, тем дорожка уже.

– Понимаю.

– Знаешь что? Они тебя в суматохе не отблагодарили, но обязательно спохватятся и придут. Попроси у них конопляной нити. Она еще пенькой называется.

– Зачем?

– Узлы тебя научу вязать и сети плести. Ты, когда сюда ехали, рассказывала про то, как Лесник тебя в сеть одевал? Ну вот. Если бы ты сама ту сеть связала, да по-правильному, по росе, в лунном свете, то пулю могла бы даже до костра не тащить, а просто взять ее и проглотить. На сети парочка узелков развязалась бы, вот и весь вред на этом. Конопляная нить для такого дела – самое лучшее, а если у них где-то старая нить ручной работы сохранилась, то совсем хорошо. Но есть и еще лучшие материалы.

– Какие?

– Крапива и конский волос. Но кто нам коня отдаст?

Глава десятая

Лесь вернулся поздно вечером, усталый, но довольный. Отдал Ирине большой кусок мяса, завернутый в листья лопуха, выслушал ее рассказ о том, как она в очередной раз принимала роды. Кивнул и сказал:

– Так пойдет – местные только к тебе и станут бегать. Отправляй их в роддом районный. Нечего тут...

– Что с мясом сделаем?

– Закоптим завтра. Оставь его здесь, чтобы Серко не унюхал.

– Сила впору пришлась, да, Лесник? – спросила Княжна. Он снова кивнул.

– Очень даже впору. Прошелся, представился обитателям местным. поглядел новым взглядом. Но и вы тут, я гляжу, не скучали?

– Мы так, по мелочам.

– Местных только не портите. Знаю я ваши “мелочи”. Оглянуться не успеешь, а вокруг все уже на метлах летают и скотина бесится.

– Я задержусь у тебя немного, Лесник, – сказала Княжна. – Можно? Поучу ее тому, что сама знаю из простого. Силу она набирает быстро, а вот понимать ее – с этим пока никак. Может, и по пророчеству Нормана какую-то зацепку найду.

– Оставайся конечно. Что мне, места на печке жалко? Но пока я ходил, у меня одна мысль появилась насчет этого.

– Да? Какая?

– Давно уже, сразу после войны, искал я московскую библиотеку. Не нашел. Но сейчас можно опять попробовать. Что скажешь?

– Ничего не скажу, – Княжна покачала головой. – Несбыточное задумал.

– Библиотеку?– удивленно переспросила Ирина.

– Не простую библиотеку, а библиотеку Ивана Грозного. Давно меня эта тайна занимает.

Княжна взяла с подоконника кожаный мешочек с травами, посмотрела на Леся. Тот достал из кармана свою трубку. Пока он ее раскуривал, все молчали.

– Грозный силен был, уж я-то знаю, – сказала Княжна, затянувшись первой. – Сам поднялся по власти и еще тысячу лет могли бы Рюриковичи править, если бы не потянуло его на некромантию. Сгубил и сына, и себя, и страну в Смуту загнал. Тем более опасно его наследство искать. Между прочим и твой наставник, который тебе знания перед смертью отдал в сорок первом году, тогда на Москву ходил и ходил не с добром. Видимо он тоже эти книги к рукам хотел прибрать, да не нашел и тебе это желание завещал.

– Может, и так. Даже наверняка так. Ну и что? Знания есть знания, а слова про мертвые города с этим очень хорошо вяжутся.

– Знания знаниям рознь. Все, кто к этой силе тянулся, плохо кончили. Все, о ком я слышала. Шейх, Грозный, фра Томмазо, Зигфрид... Ты Зигфрида не встретил на последней войне, совсем немного разминулся, а вот я с ним столкнулась лоб в лоб. Не прикончи твой учитель его ученика, я бы здесь не сидела. Но даже мне его убить не удалось, только сковать.

– Все спросить хотел: та война из-за него началась?

– Вряд-ли он к этому руку приложил. Он воин был, а не фанатик. Просто воспользовался возможностью. Но некромантией он занимался, я уверена.

– Может быть, он про атомное оружие говорил? – спросила Ирина.

– Атомная бомба не так действует, – подумав, ответила ей Княжна. – Там огонь самый обычный и города она разрушает, а не убивает. Их можно отстроить заново. Может быть Лесник и прав. Мертвечиной пахнет. Но почему старик так прямо и не сказал, что кто-то опять с запретным связался?

Она оперлась подбородком на сложенные руки и казалась теперь обычной усталой женщиной.

– Спросить бы у мертвых, но нам они не ответят. Нет у тебя, Лесник, знакомого медиума на примете? Так и думала... А медиум тут нужен хороший, потому что спрашивать нужно не о прошлом, а о будущем. Значит так и так надо на Перекресток ехать. Есть тут еще один момент: она сама родом с Перекрестка, ей проще будет вопросы задать. Будет ли

ответ, я не знаю, но попытаться можно.

– Это где? – не поняла Ирина.

– Перекресток – это Москва, – сказал Лесь. – Там все дороги сходятся, поэтому это ничья земля. Место встреч. Туда каждый из нас может прийти и жить там. Главное: не пытаться захватить ее и своей сделать. Да это и не получится. Слишком уж много там людей полегло. Старые города, Рыжая, это разговор отдельный. Чтобы из них силу брать, нужно быть старше их, а таких знающих на планете можно по пальцам пересчитать, причем на одной руке пальцев хватит. Если город еще и большой, то и вообще его подчинить невозможно.

– Тогда едем?

– Не спеши. Я до сих пор этим особо не интересовался. Подумать нужно, у людей спрашивать, кто там с кем дело имел.

– Лесник, а ведь полнолуние скоро, – сказала Княжна. – У вас шабаш давно не собирали?

– Читаешь мои мысли. Не очень я такие мероприятия люблю, ну да так уж и быть. Лишний раз старого берсеркера помянем.

– Надеюсь, ты ученицу не собираешься туда брать?

– Еще чего! Молода слишком.

...

– Смотри: вот основа, шаблон и челнок. Вяжем на осно-

ве первую петлю, вот так. Запоминай, распускать не буду. К ней подводим шаблон и в нее же заводим челнок. Получилась петля, ее прижимаешь большим пальцем. Здесь самое важное и самое сложное – наговор. Нужно все время помнить, зачем плетешь сеть и для кого. Чем больше ты знаешь, чем ты сильнее, тем крепче узел будет. Дальше челнок проводишь вот так, потом вот так. Петельку отпускаешь и затягиваешь узел. Готово. Шаблон, челнок, петля, пауза, наговор... челнок, узел. Способ тем хорош, что от тебя самой ничего не требует. Вот луна, вот две осины и твое желание – это все, что нужно.

– Дай я попробую.

– Нет. Я эту начала – я ее и довяжу. На шабаше пригодится. Там, знаешь ли, разные люди попадают. А еще вот так можно сделать...

Княжна перебрала пальцами прядь своих шелковистых волос, выдернула один и привязала его к основе сети.

– Если вплести волос, то тот, чей он, узнает об опасности, когда узел распустится и поймет, от кого она исходит.

Челнок летал, сеть росла. Не прошло и двух часов, как она сплела не меньше двух метров в длину и полметра в ширину. Растянула, полюбовалась.

– Ну и хватит. Давай спички. Резать такую нить нельзя, только пережигать. И солнцу готовую показывать тоже нельзя. Если сплела – сразу на себя.

– Как на себя?

– Очень просто.

Княжна скрутила сеть и завязала ее на талии, как пояс.

– Давай теперь ты.

И она села в траву, опершись на руку, потом вообще легла и вытянулась, подставив лучам луны обнаженное тело. Сказала:

– Как тихо... Только кузнечики трещат. А звезды какие яркие... У нас говорили, что это глаза Тенгри.

– Кто это?

– Тенгри – бог неба. Степь принадлежала людям, горы и подземелья духам-хозяевам, миром правили стихии. Тенгри давал родившемуся человеку душу и забирал ее, когда тот умирал. Люди почитали предков, а те помогали им. Народом правил Небесный Волк. Солгавшим хоть один раз не позволяли иметь потомство. А потом пришел Темучин и сказал: “Теперь вас поведу я. Именем неба!” Он разгромил ближайших врагов и все сказали: “Это хорошо!” – и я тоже так сказала. Потом он разгромил мусульман на юге и снова все сказали: “Это хорошо!” и я согласилась, потому что для мусульман мы были язычниками, они не хотели мира и убивали наших торговцев. Под копыта коней одна за другой ложились чужие страны и всадники сказали: “Война – это хорошо!” Так я выбрала свой путь и стала Войной. Мы прошли от центра земли до западных и восточных морей и никто не мог противостоять мне и моему хану. Потом он умер, я осталась одна и эта земля стала моей. Прав был старик. Есть у нее та-

кое свойство: привязывать к себе пришельцев.

Она надолго замолчала, потом провела рукой по траве и добавила:

– Сколько веков прошло мимо, а глаза Тенгри все так же смотрят на нас. Никогда не становись Войной, Рыжая. И без тебя найдется, кому обрушить звезды с небес на землю.

...

К утру у Ирины получилась сеточка размером с большой носовой платок. Лесь, поглядев на нее, хмыкнул и улыбнулся.

– Сойдет для первого раза. На солнце не держи ее. Силу потеряет. Носи всегда при себе, может и пригодится.

Глава десятая

Уехавшие днем перед полнолунием Лесь и Княжна вернулись только на через день, за полночь. Машина остановилась прямо посреди двора. За рулем был Лесь. Княжна выбралась с заднего сидения и приветственно помахала Ирине пивной бутылкой. Ее шатало. Бутылка явно была не первой. На ее светлой блузке расплывалось красное пятно, казавшееся в свете луны черным.

– Эй, рыжая! Мы вернулись! Держи, про тебя не забыли, – она сунула ей сумку с бутылками и пошла к дому, на ходу расстегивая пуговицы на своей блузке. – Прекрасная ночь... В такую ночь мне всегда хочется немножко полетать. Жаль, что не время сейчас.

Блузка полетела к стене избушки. Лесь смотрел на это, слегка улыбаясь. Княжна между тем скинула туфли и закружилась в лунном свете так, что ее волосы разлетелись вокруг тяжелой волной.

– Знаю, чего хочу! Купаться! Рыжая, пойдём?

Ирина пожала плечами.

– Я даже не знаю... Август, поздно уже.

– Ничего не поздно! – Княжна наконец справилась и с юбкой, оставшись обнаженной. – Пойдем, на русалок посмотрим. Ведьмы мы, или нет? А, Лесник?

Тот отозвался:

– Ведьмы-ведьмы... Водяного только до смерти не перепугайте.

– Слышала, Рыжая? Пойдем. Местный хозяин разрешил. Ах, какие тут у вас нравы в провинции... Сплошная патриархальщина. Знаешь, что они мне тут подарили? Черного петуха. Сто лет не пила крови.

– Кровь?

Ирина посмотрела на валяющуюся на земле блузку с красными пятнами на ней.

– Да. Ты думаешь, я от вина такая пьяная? Лесник, айда с нами!

– Не пойду.

– Ну и как хочешь... Рыжая, бери еще пиво в машине. Мы на Лыса-Гура были, в Польше. Пиво их с чешским никак не сравнить, но для сельской местности сойдет. Вкус приятный.

Маленький речной плес в лунном свете казался большим зеркалом. Местная речушка была не широкой, в некоторых местах ее можно было даже перепрыгнуть с разбегу, но здесь, в балке, она образовала маленькое и довольно глубокое озерцо.

– То, что надо!!

Княжна с разбегу бросилась в воду, проплыла несколько метров и перевернулась на спину, все также не выпуская из руки бутылку. только сейчас Ирина только сейчас обратила внимание на то, что сети у нее на поясе больше не было. Она

спросила:

– Княжна, а где сеть?

– Расплелась, почти вся. Три ячейки осталось. Знала бы ты, сколько на меня всего вчера повесить пытались! Ну да Бог им судья, дуракам-то... Прыгай сюда. Будем пить пиво и смотреть на луну.

Ирина разделась, вошла в теплую воду и по-собачьи поплыла к центру заводи. Княжна отдала ей бутылку.

– Допивай. Я же говорю: патриархальность тут у вас прямо таки бьет ключом. Лесь меня представил, как свою гостью, но его-то здесь знают все, а меня – никто. Местные и подумали, что со мной побаловаться можно. Ха-ха-ха! Сижу, а сеть на мне неторопливо так расплетается... Они и понять ничего не могут. Не выходит – давай еще! Лесь смотрит, улыбается, а я их силу в комок по ниточке собираю. Собрала, да и показала, что после крови сделать могу. Вот тут-то их и припекло!

– Что им сделала?

– Одному хвост отрастила, другому рыло свиное и рога. Они же мне сами себя слили, с потрохами. Третьему его мужское достоинство удлинила в пять раз. Видела бы ты его рожу! Этакая смесь гордости и страха... Давно так не веселилась. А Лесник-то как смеялся... Посмотри-ка! Там, на берегу.

Из травы высовывалась большая серая голова. Ирина при-смотрелась.

– Это Серко. Не обижай его, не надо!

– И не подумаю. Зачем? Он его и послал, присмотреть за нами. Беспокоится, как бы мы его русалкам хвосты не накрыли. Чувствуешь, какая вода?

– Теплая.

– Луна прогрела.

– Разве луна может прогреть воду?

– Конечно может.

Княжна перевернулась и поплыла по заводи, бесшумно разводя воду руками. Ирина вытянула ноги вниз, достав песок на дне. Небо на востоке посветлело. Полная луна висела над самым горизонтом, просвечивая насквозь редкие облака и аркой изгибался над нею Млечный Путь. На берегу оборотень вынес, держа в пасти, сумку с бутылками и снова ушел за кусты.

– Он пиво притащил.

– Вижу. Поплыли?

– Поплыли.

Она оттолкнулась ногами от дна. По ноге что-то проскользнуло. Рядом плеснулась большая рыба, а на берегу громко пшикнула открытая Княжной бутылка. Ирина вышла из воды, легла на траву.

– Красиво, – Княжна сделала глоток и посмотрела в небо. – Знаешь, что это, Рыжая?

– Млечный Путь.

– Это Стекланный мост. Он очень крутой и только чистая

душа может взойти на него и попасть на небо. У подножия его вечно горит огонь. Те, кто жил плохо, падают в него, снова начинают карабкаться вверх и так, пока их грехи не сгорят. Все эти звезды на нем – это души людей. Но бывало, что и живые забирались туда. Один юноша искал наставника. Он думал: “На земле я не могу найти себе учителя, так найду на небе! Заберусь к самому Солнцу и попрошу его. Может быть, он мне не откажет?” Долго ехал, но добрался до подножия моста. Смертного огонь пропустил, а чтобы подняться по стеклу, он одел сапоги и рукавицы с нашитыми на них рысьими когтями. Когда же забрался наверх, то увидел там огромный костер, вокруг которого сидели двенадцать духов, слуг солнца, каждый из которых считался одним из двенадцать месяцев в году. Они спросили его:

“Живому здесь не место. Зачем ты здесь?”

Он ответил:

“Хочу, чтобы Солнце стало моим учителем!”

Духи рассмеялись.

“Разве ты не знаешь, что Солнце зимой держится очень далеко от земли? Сейчас зима только началась и оно не услышит тебя. Возвращайся домой и приходи летом!”

“Постойте!” – сказал самый старый дух – “Пока он спускается, у него вся жизнь пройдет. Давайте поможем ему, ведь наш господин давно ищет ученика, который мог бы подменить его хоть на пять минут”.

Духи запели песню. Поочередно каждый из них вставал

и пел, а юноша видел, как внизу, под Стеклянным мостом, зиму меняла весна, а ее лето. Вдруг сверху раздался голос самого Солнца:

“Что это вы делаете? Почему на земле беспорядок?”

“Этот юноша хочет быть твоим учеником!” – ответили двенадцать духов.

“Хорошо, я приму тебя. Но учти, что учиться придется долго и на землю ты больше не вернешься”.

Юноша согласился и Солнце взял его с собой в небо. Иногда рядом с ним на рассвете видна маленькая яркая звездочка – это он и есть. Но то-ли ученик оказался бесталанным, то-ли учитель плохим, то-ли наука очень сложна, но подменить Солнце в небе ученик так и не смог.

Княжна сдернула крышку еще с одной бутылки. Снова плеснула в заводи вода. В листве окружающих ее деревьев зашелестел ветер и громко закричала какая-то птица.

– Скажи, – спросила Ирина, – а зачем там был черный петух?

– Это старый обряд, – ответила Княжна. – Очень старый. Слышала загадку: “Два раза родился, ни разу не крестился, сам всю жизнь пел, а умер – не отпели”?

– Нет. Кто это?

– Петух. Первый раз рождается, когда курица яйцо несет. Второй – когда вылупляется. И всю жизнь поет, встречая рассвет. Это символ похоти, Рыжая, а черный петух еще и символ Нави, мира мертвых. Есть очень сильное заклятье,

на подчинение. Один из местных, когда у них там ничего не вышло со мною, вспомнил про него. Принес мне петуха, дурачок... Тогда я и показала, что с ним на самом деле нужно делать. Им не очень понравилось. Ничего, умнее будут. Кроме того, был там один симпатичный парнишка, который не пытался мне напакостить и мы с ним чудно провели день... Заодно перьями запаслась.

– А перья тебе зачем?

– Ты же видела мой лук. К стрелам нужно оперение и воробьиные перышки тут, сама понимаешь, не подойдут.

Она потянулась.

– Ах, какая ночь!.. Я уже отвыкла от такого. У меня дома стоит куда-то выйти – все разбегаются, а здесь хозяин свой и отношение другое. Опасаются, боятся, но не шарахаются, как от огня. Водяной сидит, притаился, но не уплывает... Там в сумке хлеб есть. Брось ему.

Внутри сумки действительно нашлась половинка батона и Ирина всю ее забросила на середину заводи. В воде снова плеснула рыба.

Эпилог

– Ну что, Лесник? Развлеклись мы хорошо, но никто нам ничего толкового не посоветовал. Собираемся на Перекресток?

– А я сразу сказал, что путь туда лежит.

– Значит так тому и быть. Только я тебя прошу: не рыскай ты за книгами этими проклятыми. Не доведут они до добра. Давайте я покажу вам, чем кончается, когда знания ищут в мире мертвых. Пойдемте!

Они втроем вышли во двор. Княжна повернулась к заходящему солнцу, выпрямилась вся, склонив голову и сложив руки перед грудью. Постояла так немного, потом развела ладони.

Закат разошелся, как огромный занавес. Перед ними был город. Огромный, от горизонта до горизонта. Дворцы, маленькие домики, какие-то храмы, городские стены, улицы, площади... и на этот город медленно падала синяя звезда. Маленькая, совсем не страшная, она спокойно плыла вниз и облака вокруг нее обращались в ничто. Потом звезда коснулась земли и город исчез в ослепительной вспышке, а когда синий свет наконец погас, на его месте были только океанские волны. Исчезло все, даже горы вокруг города.

– Так бывает, когда кто-то переходит предел.

Голос Княжны звучал глухо, как будто издалека.

– Это была Атлантида? – спросила Ирина после долгого молчания.

– Про Атлантиду я ничего не знаю. Слушайте меня и запоминайте! – Княжна повернулась к ним. – Я за свою жизнь убила довольно много людей. Убью и вас, если вы обратитесь к запретному. Запомните мои слова.